

ЕВГЕНИЙ КРАСНИЦКИЙ

ОТРОК

Бешеный лис

Отрок

Евгений Красницкий
Отрок. Бешеный Лис

«АСТ»

2008

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Красницкий Е. С.

Отрок. Бешеный Лис / Е. С. Красницкий — «АСТ»,
2008 — (Отрок)

ISBN 978-5-271-47659-4

XII век. Права человека, гуманное обращение с пленными, высший приоритет человеческой жизни... Все уместается в одном месте – ножнах, висящих на поясе победителя. Убей или убьют тебя. Как выжить в этих условиях тому, чье мировоззрение формировалось во второй половине XX столетия? Принять правила игры и идти по трупам? Не принимать? И быть убитым или стать рабом? Попытайся что-то изменить? Для этого все равно нужна сила. А если тебе еще нет четырнадцати, но жизнь спрашивает с тебя без скидок, как со взрослого, и то с одной, то с другой стороны грозит смерть? Если гибнут друзья, которых ты не смог защитить? Пока не набрал сил, пока великодушные – оружие сильного – не для тебя, стань хитрым, ловким и беспощадным, стань Бешеным Лисом.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-271-47659-4

© Красницкий Е. С., 2008
© АСТ, 2008

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Евгений Красницкий

Отрок. Бешеный лис

© Евгений Красницкий, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть первая

Глава 1

Конец марта 1125 года. Туров – Княжий погост – дорога на Ратное

Приключения начались сразу же после выезда из Турова. Стоило только санному поезду миновать последние сараи и заборы городского посада, и Мишка, правивший передними санями, увидел, как на дорогу выскочили четыре фигуры и, выстроившись поперек пути, дружно брякнулись на колени. Мишка придержал Рыжуху, сзади послышался топот копыт – дед и Немой купили себе строевых коней и сопровождали семейный караван верхом, в полном вооружении.

– Кхе! Гляньте-ка, музыканты!

Действительно, на дороге стояли четверо из оркестра, сопровождавшего выступления Мишкиной «труппы», – двое парнишек, игравших на рожках, флейтист и «ксилофонист». Когда дед подъехал к ним вплотную, все четверо сдернули шапки и уткнулись лбами в грязный, перемешанный с навозом дорожный снег.

– Боярин! Корней Агеич, батюшка! – возопил «ксилофонист», обладатель астрономического имени Меркурий. – Смилуйся, не дай пропасть! Возьми к себе, хоть холопами, хоть кем! Если не меня, то хоть детишек пожалей, пропадут! Приюти, батюшка боярин, мы отслужим!

– Ну-ка поднимайтесь, нечего грязь носами ковырять! Что, Своята выгнал?

– Сами ушли, боярин-батюшка, мочи не стало!

– Сами? Кхе... И чем же он вас так утеснил?

– Всем, батюшка боярин, – голодом, холодом, побоями, попреками, угрозами. Сколько бы ни заработали, все равно должны ему. Ты не подумай, мы вольные, и кабальных записей на нас нет, просто Своята все время твердил, что мы зарабатываем меньше, чем он на нас тратит. Совсем сил никаких не стало. Возьми, боярин, хоть детишек, я-то выкручусь как-нибудь.

– Кхе! Куда ж я вас...

– Боярин!!!

– Да не ори ты! Думаю я, а не гоню. Так просто такие дела не решаются. Ждите здесь. Михайла, пойдем-ка с матерью поговорим.

Мать уже сама выбралась из бывшего скоморошьего фургона и шла к передним саням, следом за ней потянулись и племянники.

– Вас кто звал? Кыш по местам! Анюта, слышала, наверно, все, что скажешь?

– Дети еще совсем, пропадут, батюшка. Я с ними еще там, в Турове, поговорила, все – сироты. А Своята их и правда в черном теле держал, не врут. Вон тот крайний – Артемий – выглядит как Кузька, а на самом деле старше Михайлы на год.

– Кхе! Значит, брат?

– Не знаю, батюшка, – мать жалостливо вздохнула. – Меня вот Никеша на могилку к родителям сводил, так я как будто повидалась с ними, на душе посветлело, а этим и пойти-то некуда. Жалко ребяток.

– Так брат или нет?

– Воля твоя, Корней Агеич, а я бы... – Мать немного помолчала, снова вздохнула. – Я бы взяла.

– Андрюха, ты? – дед повернулся к Немому.

Немой ткнул указательным пальцем в Мишкину сторону, потом тронул свою гривну десятника.

– Хочешь сказать, что с ними в Младшей страже почти полный десяток соберется? – «перевел» дед.

Немой кивнул.

– Значит, брать... Ну а ты, Михайла, что скажешь?

– Мне вроде бы и невместно... – Мишка изобразил скромность, хотя взять ребят хотелось.

– Спрашивают – говори! – дед почему-то начал сердиться, было похоже, что ответы матери и Немого ему не понравились.

– А прокормим? – осторожно спросил Мишка.

– Не объедят да и бездельничать не будут.

– Тогда – брать.

– Вот как! – дед подбоченился и критически оглядел собеседников с высоты седла. – Одна пожалела, второй к делу пристроил, третий прокормом озаботился! А думать я за вас должен? Так, что ли? Ладно, эти обалдуи, но ты-то, Анята, знаешь же!

– О чем ты, деда? – Мишка все еще не мог уразуметь причины дедова недовольства.

Дед сердито молчал, и мать, в очередной раз жалостно вздохнув, пояснила вместо него:

– Мишаня, не берут в Ратное чужих, – мать беспомощно развела руками. – Девочек в замуж приводят, а мужиков или парней... Такой уж обычай за много лет сложился. Ты об этом, батюшка?

– О чем же еще? – дед пристукнул деревяшкой в железное доньшко кожаного ведерка, заменявшего ему правое стремя. – Как я их перед сотней поставлю? Только если холопами. А если холопами, тогда какая же Младшая стража?

– Но Пашку же привели, когда у него родители померли, – вовремя припомнил прецедент Мишка.

Мать опять ответила вместо деда:

– Он – родич, Мишаня, его старшая сестра, которая в Ратном замужем, к себе взяла. А почему вы его Пашкой зовете? Он же Пантелей, должен быть Панькой, а не Пашкой.

– Нашла время выяснять! – досадливо оборвал невестку дед. – Если ничего другого не придумали, тогда два пути: или отправляем ребят на все четыре стороны, или едем назад в Туров обельные грамоты выправлять. Они и в холопы согласны, сами сказали.

«Блин, вот ведь ситуация! Деду, видимо, и самому хочется ребят взять, а обычай не позволяет, потому он и злится. А чего тогда нас спрашивал? Думал, что мы какой-нибудь выход придумаем? Что же тут придумаешь, было бы хоть какое-нибудь дальнее родство... Можно, конечно, и соврать: мол, дальних родственников из Турова привезли, но это дед и сам придумать мог бы, наверно, не хочет врать... Стоп, сэр Майкл! Родство! Как же я сразу-то...»

– Мама, – торопливо, пока дед еще не принял окончательного решения, спросил Мишка, – а родство обязательно кровное должно быть? Вот если, скажем, крестник, это как?

– По христианским канонам крестный отец или мать – те же родичи. Даже очень близкие – в брак вступать нельзя.

– Деда, – Мишка задрал голову к возвышающемуся в седле Корнею, – а давай их окрестим! Станут нашими родственниками. Мы же Княжий погост будем проезжать, там церковь есть.

– Мишаня, – не очень уверенно возразила мать, – у них же имена христианские, их крестили уже...

– Кашу маслом не испортишь, – Мишка решительно рубанул рукой воздух, – окрестим еще раз!

- Ты что, сынок? – мать мелко перекрестилась. – Грех это!
- Святое крещение – грех? Мама!
- Кхе! Михайла, как у тебя язык-то в узел не завязывается?
- Деда, ну что тут такого? Появилось затруднение, я придумал, как из него выйти. Да вообще, давай у них самих спросим!
- Ну давай спросим, – дед призывно махнул музыкантам рукой. – Эй, ребята! Квартет рванул с места, как наскипидаренный.
- Меркуха, – грозно спросил дед подбежавшего первым ксилофониста, – вы крещеные?
- Это... – замялся Меркурий. – Как бы да...
- Что значит «как бы»?
- У Свояты в Берестье дружок есть – поп. Он сказал, что с христианскими именами теперь по городам ходить безопаснее. Ну и окрестили нас как бы. Не в церкви и оба пьяные были. Я и не знаю: считается ли?
- Мишка, не давая ни матери, ни деду ответить, заявил:
  - Не считается!
  - А что ж теперь?.. – испугался Меркурий.
  - Кхе! – дед, скрывая довольную улыбку, расправил усы. – Крестить вас будем! По-настоящему!
  - Так значит, берете? Боярин-батюшка!!! Да мы...
  - Тиха-а! Я не боярин, больше меня никогда так не называть! Быстро забирайтесь вон в тот воз. Одежонка у вас... того, в ящике теплее будет.
  - Мы только вещички... – засуетился Меркурий.
  - Бегом! Анюта, покорми их там чем найдется да насчет крещения и всего прочего объясни. Крестной матерью ты у всех одна будешь. Кхе! Мало тебе своих пятерых... А мы с Андрюхой, так и быть, пополам поделимся. Андрюха, ты кого хочешь в крестники? Что, все равно? Тогда бери самых малых, а я – тех, что постарше. И вот что: садись-ка ты пока в сани, а в седло Михайлу пусти, мне с ним потолковать надо.
- Саный поезд наконец-то тронулся, дед с внуком пропустили сани вперед и поехали сзади, стремя в стремя.
  - Ну, Михайла, признавайся как на духу: сам насчет воинской школы выдумал?
  - Почти. Ты же согласился Петруху в обучение взять? Та же самая школа, только для одного ученика. А так и заработаем, и ратнинцы, что поумнее, своих отроков тебе в обучение отдавать станут. Ты же сам говорил, что молодежь учат плохо.
  - А насчет лавки?
  - А тут – все правда. Никифор в самом деле про это рассказывал, только он уже такой был, что обращался не к тебе, а к кувшину, а ты и не слушал. От лавки обязательно польза будет, вот увидишь. Станет народ из окрестных деревень приезжать, ратнинцам будет где товар без хлопот сбыть. Торговля разрастется, другие купцы подтянутся. Вокруг торгового места всегда народ собираться начинает. Ну в самом Ратном-то селиться не дадим, тогда посад постепенно за тыном вырастет. Так села в города и превращаются. Станет Ратное городом, а ты – в нем воеводой. Чем плохо?
  - Ну, это когда еще будет да и будет ли? – скепсис деда был вполне понятен, поэтому Мишка счел за благо сменить тему:
    - Деда, а ты в долю с Никифором вошел?
    - Вошел, даже грамоту составили.
    - А место для лавки выбрали?
    - Андрюха свое подворье Никифору продал – чего зря ветшает, он же все равно у нас живет.
    - А жениться надумает? Как без своего дома?

– Андрюха? Жениться? – дед фыркнул и покрутил носом. – Да скорее твоя Ниня замуж выйдет! От него и раньше-то бабы, как от чумы, шарахались, когда говорить мог и руки обе целые были. А теперь-то...

– Что ж, никто и никогда? Совсем?

– Ну-ка, кончай мне зубы заговаривать! Признавайся, зачем про школу выдумал? И Петрухой не отговаривайся, не поверю.

– А ругаться не будешь? – осторожно спросил Мишка.

– Может, и буду, смотря чего скажешь.

– Тебе и по уму, и по заслугам давно боярином быть должно... – начал Мишка и выжидающе умолк.

– Пока не ругаюсь, давай дальше, – подбодрил внука Корней.

– От князя боярства не дождешься, – продолжил Мишка, – гривну сотничью и то хитрым способом добывать пришлось. Значит, надо боярином становиться самому.

– Ну-ну, и при чем же здесь школа?

– Что такое боярин, деда? Земля и дружина. Причем, сначала дружина – она тебе и землю добудет, и людей на эту землю посадит. Заметь: ТВОЯ дружина, а не княжеская сотня. Великий князь киевский при смерти. Скоро все опять закрутится: князя с места на место поедут, земли делить станут, детей и родню на теплые места пропихивать. Если бы сотня была твоей личной, ты в это время запросто мог бы себе землицы прибрать, холопами ее населить, ну и прочее.

Мишка снова замолчал, ожидая дедовой реакции на свои слова. Дед немного помолчал, хмыкнул, покосившись на внука. Мишка уже было приготовился услышать что-нибудь на тему: «Не суйся не в свое дело», но дед спросил вполне доброжелательным тоном:

– Все так, а школа?

– Допустим, прислали тебе на обучение десять человек, – Мишка, почуяв дедову заинтересованность, приободрился и заговорил увереннее. – Что, ты вместе с ними еще один десяток своих людей не сможешь выучить? Кто знает, какие люди твои, а каких ты за плату учишь? Пусть Никифор хотя бы несколько учеников пришлет, под это ты сколько захочешь своих в учение поставить сможешь! Ведь сможешь?

– Кхе!

– Не ругаешься? – Мишка попытался заглянуть деду в глаза и получил шуточный щелчок по носу.

– Не ругаюсь, не ругаюсь. Дальше давай, мудрец.

– А чего не спрашиваешь: где людей взять?

– Потому что знаю. Совсем деда за дурня держишь?

– Как раз наоборот: я вот так и не придумал ничего. Одно только знаю: люди – главная ценность, дороже золота и самоцветов.

– Людей найду. Ты давай про школу, – чего-чего, а гнуть свою линию, не отвлекаясь в сторону, дед умел.

– Так, а что еще-то? – Мишка даже слегка растерялся, оказывается, дед знал какой-то способ решения самой сложной, на Мишкин взгляд, проблемы. – Я уже все вроде бы рассказал.

– Нет, – покачал головой дед, – ты рассказал про то, зачем школа нужна, а вот про то, какой она должна быть – ни слова.

– Так ты уже сколько людей выучил! – совершенно искренне удивился Мишка. – Что я тебе рассказать могу?

– Выучил, но не в школе. И сам я в школах никогда не учился. Не было у нас раньше таких, как отец Михаил, и школ не было. Та ребятня, которая к нему четыре года отбегала, от тех, кто в школу не ходил, отличается, как... – дед запнулся и, то ли не подобрав сравнения, то ли подобрав такое, что при внуке вслух произносить не стоило, отрубил, – словом, отличается,

и в лучшую сторону! Если уж мы воинскую школу создаем, то и ученики наши от обычных ратников должны так же отличаться. Понял, о чем я толкую?

– Преимущества систематического образования...

– Чего? Опять словечки ученые? – дед досадливо поморщился. – Толком говори!

– Программу обучения продумать надо.

– Михайла!

– Прости, деда, очень трудно с книжного языка на обычный перетолковывать. Ты прав, и сделать это можно, но я не знаю, получится ли?

– Давай-давай. Рассказывай, а я подумаю, может, и получится.

«Блин, как же попонятнее изложить-то? Раньше надо было думать, сэр, теперь вот извольте рожать адекватные формулировки на ходу».

– Кто у нас новиков обучает? Сами родители или мужчины-родственники. Так?

– Еще десятники, – добавил дед.

– Все равно: в чем учитель силен, в том и ученик силен, а в чем учитель слаб... Ну, нельзя же быть во всем лучше всех!

– Ну и что?

– А если учителей в школе собрать лучших в каждом каком-то деле? Ну, скажем, лучший лучник у нас Лука Говорун, а лучший мечник... Я не знаю, но ты-то всех знаешь!

– Понял, понял! – дед продемонстрировал прямо-таки чудеса терпения и толерантности; похоже, поднятая Мишкой тема заинтересовала его всерьез.

– погоди, деда, дай договору! Если лучшие будут новиков обучать, то общий уровень подготовки повысится... То есть... Сейчас, соображу, как сказать...

– Да понял я, не дурак! Все как бы лучшими станут.

– Да, и то, что было редкостью, станет обычным. А среди них опять кто-то лучше других окажется, в чем-то одном. Их и сделать учителями. Так все и будет улучшаться!

«Блин, нет нужных терминов в ЗДЕШНЕМ языке. Как же объяснить-то?»

– Не ломай голову, понял я. Нет тут никакой особой мудрости. Если ученик не сравнялся с учителем, то учитель – дерьмовый. А хорошего учителя ученик, рано или поздно, превзойти должен!

Ты думаешь, почему я так об обучении пекусь? В том, что на той переправе треть народу потеряли, вовсе не дурак боярин виноват, и не Данила. Сотня ослабла! Лет двадцать назад никто бы команды и не ждал. Сами бы из-под обстрела выскочили и лучников тех порубили. Ты не думай, что я по-стариковски ворчу, мол, раньше и погода была лучше, и девки слаще. Выучка другая была! Без нее и не выжили бы. А теперь живем спокойно, соседи присмирели, наши жирком поросли. Ты посмотри: многие ли, как я или Лука, доспех без переделки носят? Почти всем чуть не каждый год расставлять приходится – брюхо не влезает!

Мишка замер. Впервые дед разговаривал с ним, как со взрослым, делаясь наболевшим и не делая скидки на возраст внука. Видимо, сам о том не задумываясь, дед выставил Мишке высший балл за то, что произошло в Турове – начал воспринимать внука всерьез.

– Больно говорить, – продолжал тем временем дед, – но боюсь, сотня уже не поднимется. На той переправе потопла почти одна молодежь. Три десятка! Старики слабеют, уходят, а на замену... В этом году примем только шесть новиков, в следующем – девять или десять. За два года восстановим половину потерь. А сколько из них до настоящей зрелости доживут? Может, и никто! Выучки настоящей нет, к учебе спустя рукава относятся – что ученики, что учителя. В первом же бою можем всех потерять.

– Но ты же сотник! Неужели заставить не сможешь?

– Заставить могу, но из-под палки толку не будет, желание нужно! Я почему этих ребятшек подобрал? У них желание будет, до седьмого пота станут стараться, и подгонять не при-

дется! Для них в воинское обучение попасть – счастье, а для наших – обуза. Не для всех, конечно, но для многих.

– Значит, необходимость воинской школы назрела.

– Перезрела! Я поэтому твоему вранью поначалу и поверил. Думал, осенило по хмельному делу. Потом только догадался. Ты вот что, внучок... Кхе! Это... Если еще какая мысль полезная появится... – ох и непривычно было сотнику Корнею говорить такое тринадцатилетнему мальчишке, но сотник есть сотник: чтобы повелевать другими, надо уметь повелевать собой. – Не жди случая, говори сразу. Выслушаю и обдумаю. Обещаю!

– А прямо сейчас можно?

– Кхе! Тебе палец дай, так ты всю руку отхватишь! Говори уж, чего там!

– Есть в ученых книгах такое правило: если задумываешь какое-то большое начинание, то первым делом нужно понять – зачем? Какой итог получить хочешь? Если правильно это поймешь, тогда станет понятно, что и как делать нужно. Вот давай сейчас попробуем понять цель обучения – кого мы готовить будем?

– Ну и кого?

Дед явно не понял, к чему клонит Мишка, и тот поспешил объяснить:

– Чем охрана купеческого каравана от обычных ратников отличается?

– Во-первых, татей всегда больше, чем охраны. Малыми силами нападать – дураком быть нужно.

– Значит, надо учить биться с превосходящими силами противника!

– Так, правильно, – дед согласно кивнул. – Во-вторых, место и время для нападения выбирают тати. И стараются напасть неожиданно.

– Значит, надо учить быть готовым отразить нападение в любой момент и в невыгодных условиях.

– Не-а, тут ты, внучок, промахнулся! Все время в напряжении быть нельзя – быстро устанешь. Надо учить предвидеть! Есть места для нападения удобные, там надо быть настороже, а есть места безопасные. Одни от других надо уметь отличать. Лучше всего этому знаешь как учиться? Самому уметь засады устраивать! Тогда и тебя врасплох никто не застанет.

– Угу, понятно. А еще?

– А еще в обозе есть люди, которые себя защитить не могут, и скотина, которую можно напугать. А еще надо приметы знать: где на ночь остановиться безопаснее, как в непогоду не попасть, в каких местах через реки переправляться. Много еще всякого.

– Значит, в охране каравана должны быть не просто хорошие бойцы, но и люди знающие?

– И грамотные! – с нажимом добавил дед.

– А это зачем? – делано удивился Мишка. Сам-то он был за грамотность «обеими руками», но вот с чего дед этим так озаботился?

– А купцы неграмотных вообще за людей не считают! И грамоте учить в нашей школе будешь ты! Вот с музыкантов и начнешь, наверняка даже своего имени прочесть не могут!

«Доигрался! Ученые книги, ученые книги, придурок! Будешь теперь: А и Б сидели на трубе! А с другой стороны, не к отцу же Михаилу их водить!»

– Буду, что ж поделаешь? – смиренно произнес Мишка. – Только есть и еще одно дело, которому учить придется. В дороге лекаря не найдешь, а раны и болезни ждать, пока доедешь, не станут. Как-то надо тетку Настену уговорить, чтобы лекарскому делу обучать согласилась. Не полностью, конечно, но самым необходимым вещам.

– Не уговаривать надо, а плату предлагать. И остальным тоже. За «спасибо» никто работать не будет. Я поэтому Никифору плату за обучение и не назвал – сам пока не знаю, но получится недешево!

– Но для себя-то мы людей забесплатно учить будем! Вернее, за счет тех, кто заплатит. Только вот этих-то чему учить станем?

– Тому же самому, – решительно заявил дед, – знаний лишних не бывает!

– А ратнинцев, если родители их к нам пошлют?

– Кхе! Да, тут подумать надо...

– Деда, опять так же: какая цель? Вот у нас как бы два вида учеников. Первый вид – охранники купеческих караванов. Их учим воевать с татями, малым числом, посреди пустой дороги и при этом защищать караван с людьми и скотиной. Второй вид – ратнинцы. Их учим воевать в составе десятка и сотни. Воевать в строю, против таких же ратников, брать на щит укрепленные места или, наоборот, защищать и... все такое прочее. Получается, что совсем разных людей учим. Точнее, сначала, когда бойца самого по себе готовим, всех можно учить одинаково, а потом разделять: одних в охрану, других в кованую рать. А вот своих как учить?

– Верно в твоих книгах написано: все от цели зависит, – дед сожалеющее вздохнул. – Эх, мне бы в твои годы такой отец Михаил попался... А своих... Своих надобно всему учить! И тому, и другому.

– Тогда получается три этапа... э-э... три срока обучения. В первый срок учим всех одному и тому же. Потом разделяем: охрану учим одному, ратнинцев другому. наших людей учим вместе с ратнинскими. Потом, в третий срок, учим наших тому, чему учили охрану. Так?

– Вроде бы так. Кхе! Хитер ты, Михайла, наши-то лучше всех выучены будут!

– Так для себя!

– А для сотни? Я сотню не брошу, какая бы она ни была!

В голосе деда слышалось не просто упрямство: что-то в тоне, которым были произнесены эти слова, зацепило Мишку, напомнило нечто из ТОЙ, прошлой жизни. Да! Таким же тоном говорили мужики, отказывающиеся выбросить партбилеты после указа Ельцина о запрете компартии. Обычные мужики: работавшие, воевавшие, растившие детей, не причастные ни к репрессиям, ни к злоупотреблениям, ни к маразматической дури «партстарцев», ни к перестроечной шизофрении.

«Именно так! Он с этим вырос, с этим и умрет! Отказаться от ратнинской сотни для него то же самое, что отказаться от всей своей прошлой жизни. Все видит, все понимает, но ринуть то, что создавалось в течение столетия, и сам не будет, и другим не даст. Значит, и разговор надо строить соответствующим образом».

– Во-первых, деда, для сотни мы и так выучим ребят лучше, чем если бы школы не было. А во-вторых... Деда, а ты когда-нибудь думал, почему сотня потихоньку все хуже и хуже становится? Только не говори, что люди мельчают или что жирком от спокойной жизни поросли. Для того, кстати, деды наши и воевали, чтобы внукам лучше жилось. Ты сам говорил, что для одних воинское дело обуза, а для других – нет. Можешь общую причину указать, которая часть людей от воинской жизни отваживает?

– Кхе! Общую для всех? – дед задумчиво поскреб в бороде. – Больно мудрено! У каждого – свое.

– Ну тогда перечисляй: у кого – что.

– Перво-наперво, всегда есть людишки ленивые, дурные или просто слабые.

– С этими уже ничего не сделаешь – балласт... э-э... лишний груз, мусор.

– Верно, мусор. Но они опасны, потому что лень и дурость заразительны. Они и других за собой тянут. Всякий лентяй норовит трудягу дураком выставить, слабак сильного человека – зверем тупым, а трус храбреца – сумасшедшим. А если таких много становится, то все: ни порядка, ни дела серьезного, ни работы добротной. Все, как гнилая тряпка, расплзается!

«Точно по Гумилеву! Субпассионарии: «Будь таким, как мы!» Какая же ты умница, дед!»

– Деда, из сотни таких не выгнать, они только за чужими спинами выжить и могут. А вот из своей дружины – запросто! Да и выгонять не придется, они туда и не попадут. А другие причины?

– Да вот хотя бы Степан-мельник. Мельница-то не его – общинная. Он у старосты уже несколько раз ее выкупить хотел, но не вышло. Теперь, похоже, свою ставить собирается. Сейчас плата за помол в сотенную казну идет, а если мельница у Степана своя будет, тогда плата ему пойдет. Ему воинское дело только помеха, ну разве что прикрытые, чтобы податей не платить. Еще... Кого бы еще вспомнить? А! Да дядька твой – Лавр! Он как с мечом разомнется, так на следующий день тонкую работу делать не может – руки чувствительность теряют. А ведь какой дар у человека! Но если воинское умение не поддерживать, убьют. Вот и выбирай!

– Ну вот и понятно все! – Мишке сразу стало легче объясняться – дед сам все рассказал. – Одни к службе неспособны, а другие дело себе нашли, которое им интереснее и полезнее. Противоречия между ними сотню и раздирают: между умными и дураками, между трудягами и лентяями. А истинные воины как бы в стороне остаются, они и тем, и другим – помеха. Когда-то сюда пришли по велению Ярослава Мудрого сильные люди, для которых воинское дело было главным. Для всех! Постепенно начали накапливаться другие: дрянь и люди дельные, но заинтересованные чем-то другим. Сотня перестала быть единым телом. Ты еще не все про субпассионариев... про слабаков и дурней рассказал. Это они чужаков в Ратное не допускают. Дельные люди и рады бы дополнительные рабочие руки к своим делам приставить. Воины тоже хотели бы численность войска увеличить. Вот ты, например, шестерых учеников везешь, так? Но хитростью приходится. Ты припомни: кто громче всех орал бы, если б ты их просто так привел?

– Кхе! Те самые – мусор.

– Вот, деда! Собственная дружина – не блажь твоя, а спасение воинского сословия из того болота, в которое сотня превращается. Уведешь воинов – и Ратное в город превратится еще быстрее. Появятся купцы, ремесленники, другие дельные люди, которых ратная служба от дел не отвлекает. Но соберутся там же и ворье, пьяницы, и тати, и побирушки, и прочая шваль – от этого ведь тоже никуда не денешься.

– Нет, Михайла, я сотню не брошу, на то я клятву давал. Помру или убьют – другое дело, а так... Нет!

– Но свою-то дружину собирать будешь?

– Буду!

– А с чего ее кормить?

– А как мы кормимся? Землю пашем, торгуем, добычу и холопов на войне берем, другие дела всякие... Ага! Вот, значит, ты о чем! Другие дела... Ишь как подвел, книжник! Ну и что ты надумал?

– Воина, так же как и других дельных людей, ничего от главного дела отвлекать не должно. Дружину кормит боярин! Для того у него есть земля, а на ней холопы или просто смерды, которые за землю и защиту сколько-то платят боярину. Тогда воинский дух в дружине не умрет.

– Ты насчет воинского духа... Кхе! Того... поаккуратнее.

– А что такое?

– А то... – дед, похоже, колебался: говорить или не говорить? Потом все же решил. – Кхе! Ну ладно... Ты, хоть еще и не ратник, но в бою уже побывал, не в настоящем, конечно, но смерти в лицо глянул. Опять же Младшая стража...

– Да что такое, деда?

– Старика на костре помнишь? Который Триглава славил?

– Такое забудешь... – Мишка знобко повел плечами.

– Ну так вот. Он воином был, я сразу понял!

– Ты ему еще подпевать стал.

– О том и речь. Мы, конечно, христиане... и все прочее, что положено. Но и Перуна тоже не забываем... И Трояна. Потому что воины. Воинского духа в них больше, чем в кресте.

– Так ты ту женщину в лесу... – до Мишки только сейчас дошло, почему дед столь скрупулезно исполнил тогда языческий погребальный обряд. – Ну, у которой «громовая стрела» была... Понятно...

– Объяснять, что трепаться об этом...

– Не надо! А за умирание воинского духа прости – не знал я. Боги, конечно же, бессмертны.

– Тринадцать лет... Едрена-матрена... Что же с тобой дальше будет?

– Дальше будет четырнадцать. Скоро уже. Что вы с Никифором на меня, как на урода, дивитесь? Сам же сказал, что учение на пользу!

– Иди-ка ты... в сани. Поговоришь с тобой, потом три дня голова пухнет, шапку не надеть.

Сани были нагружены, что называется, под завязку, путь предстоял длинный, поэтому лошадей не подгоняли. Обоз тянулся со скоростью пешехода, и Мишка почувствовал, что его потихоньку начинает клонить в сон. Он вылез из саней и зашагал рядом.

«Такие, значит, дела! Ситуация практически по учебнику. Прислал в глухой языческий край Ярослав Мудрый сотню ратников с семьями. Поставил задачу трудную, но выполнимую – стать хозяевами округа, привести к покорности местное население, прикрыть границу с Вольнойю. Стимул – вольная и сытная жизнь для детей и внуков. Задача выполнена, дальше что? Дальше – хреново. Черт побери, как легко быть пророком, когда события без труда вписываются в классическую схему!

А схема проста. Структура всегда создается для решения задач, что, в свою очередь, служит достижению определенной цели. Если кадры в структуре квалифицированные, а ресурсов достаточно, то задачи успешно решаются, и цель достигается. Это просто и понятно, что в двенадцатом веке, что в двадцатом.

А вот дальше начинаются сложности. Если цель достигнута, то надо формулировать новую цель и очерчивать круг задач по ее достижению. А что делать с имеющейся структурой? Она-то создавалась под решение прежних задач! Самый простой выход: ликвидировать старую структуру и создать новую. Можно еще попробовать старую структуру реорганизовать. Но это в теории, а в жизни зачастую просто рука не поднимается ломать то, что отлично работало многие годы, а то и десятилетия.

Что происходит в этом случае? Структура, не имеющая общей цели, порождает целый букет внутренних целей и задач по их достижению, сплошь и рядом противоречащих друг другу. Начинают развиваться внутренние конфликты, структура разваливается. Между прочим, и сроки развала очень невелики – период жизни одного поколения.

И как этот жуткий сценарий прикладывается к нашим делам? Очень просто! Задача выполнена, цель достигнута. Сотня захватила богатейшие угодья, соседи носа высунуть не смеют, ратники живут сытно, даже богато, самооценка высокая, опасностей особых нет. Казалось бы: живи и радуйся. Но, увы, радости у разных людей разные.

Появилась группа людей, которые хотят заниматься каким-нибудь ремеслом. Они тяготеют воинской службой, потому что она мешает им заниматься бизнесом. Вот и, пожалуйста, первый внутренний конфликт: дед хочет, как и в прежние времена, держать в строю ВСЕХ мужчин, а ВСЕ не хотят, часть желает заниматься предпринимательством.

Есть и вторая группа, не желающая жить по-прежнему. Это те, кто хочет пользоваться данными сотне привилегиями, но не желает платить за них службой и кровью. То есть только брать, ничего не давая взамен.

Имеются, конечно же, и те, кто хочет оставаться служилыми людьми. Но киевский князь при смерти, да и не интересуются в Киеве ратнинской сотней уже давно. А туровский, того и гляди, тю-тю – уедет. Кому прикажете служить? Тому, кто придет вместо него?

Но у того своя дружина есть, ей он доверяет, потому что она от него зависит. А ратнинцы практически независимы, а значит, опасны. Служить, получается, некому.

Единая структура, в полном соответствии с теорией, разделяется на три группы, чьи интересы противоречат друг другу. Если интересы, то есть цели, противоречивы, неизбежны конфликты. Пока они проявляются подспудно, в виде нежелания посвящать большую часть времени и сил поддержанию боеспособности и подготовке достойного пополнения.

Поиграем в пророка еще немного и попробуем предсказать судьбу каждой из групп. Служилые – те, кто хочет жить по-старому, – обречены. Сотня с тридцатипроцентным некомплектom, того и гляди, превратится в полусотню, а потом и вообще... Ничего не поделаешь – кадровый дефицит. Как серьезная воинская сила сотня медленно, но верно стремится к нулю. При участии в первом же серьезном сражении она запросто может прекратить свое существование.

Теперь – предприниматели. Это им сейчас хорошо, только они этого не понимают и тяготятся воинскими обязанностями. А не будет под боком боеспособного подразделения? Припрутся княжеские сборищники дани, разбойнички облагают, соседи старые обиды припомнят или через неприкрытую границу кто-нибудь наведается... А в город не переберешься – там конкуренция. И что останется от вашего бизнеса, господа? Так что предприниматели, сами того не понимая, целиком зависят от срока жизни ратнинской сотни.

И, наконец, балласт. Стоит только сотне окончательно накрыться медным тазом, им – конец. Часть просто перемрет или будет перебита, остальные окажутся чьими-то холопами. Те, кто ничего не могут, – кандидаты в покойники. Те, кто ничего не хотят, частично тоже покойники, а остальных заставят работать, невзирая на их желания. Таким образом, и третья группа тоже целиком зависит от срока жизни первой группы.

Вот такой прогноз. После окончательной потери боеспособности ратнинцы либо будут перебиты соседями, либо уведены в полон, либо попадут под власть какого-нибудь оборотистого боярина. Крайний вариант – «месту сему быть пусту!» И прогноз этот, как ни печально, сбудется! Если ничего не предпринимать. Но чтобы что-то предпринять, нужно осознавать ситуацию, а ее осознает только тринадцатилетний пацан. Продолжим игру в прорицателя? Запросто! Только теперь мы вступаем на почву предположений, хотя и обоснованных...»

– Михайла! Уснул, что ли?

– А? Чего, деда?

– Сворачивай, обедать пора.

«Надо же, не заметил, как полдня прошло!»

– Шевелись, шевелись! – бодрым командным голосом орал дед. – Меркуха, бери своих музыкантов и – за дровами, топоры в санях возьми. Вы, парни, коням корму задайте, где овес, сами знаете. Анна, котел возьми тот, что побольше: едоков прибавилось. Андрюха, помоги ей воды принести, сама к полынье пусть не спускается. Шевелитесь, шевелитесь, засиделись в санях!

Дед лихо командовал, не слезая с седла, как будто ставил на дневку воинское подразделение. Впрочем, сани ставили в круг и оружие держали под рукой. Дорога, она и есть дорога.

– Михайла, как коням корм зададите, подойди – переговорить надо.

– А голова опять не опухнет?

– Я те дам, поганец, сам у меня сейчас опухнешь! Меркуха, есть чем огонь развести? Э, да разве это кресало? Слезы одни! Аня, дай ему свое. Да не трогай ты котел, тяжелый же! Кузька, ты как сани поставил? Я тебя самого сейчас так поставлю! Глаза-то есть? Эй, вы что, ночевать здесь собираетесь? А на хрена нам тогда столько дров? Ну да, ты их еще обратно в лес отнеси! Положи, другим пригодятся, не одни мы на дороге... Кузька, да что ж ты творишь? Левее бери, левее... Едрена-матрена, сильно ушибся? Ну разве ж можно так? Да не реви, что

ты как девчонка? Конечно, больно – оглоблей в морду, как глаз-то не вышиб? А не дергай за повод, лошадь – скотина бессловесная, но свое разумение имеет. Ну ничего, до свадьбы... Аня, не тот мешок! Гречка в другом. Андрюха, да помоги ты ей, мешки-то тяжелые. И сало не забудьте! Тебе чего, Михайла?

– Сам же звал.

– Ага, пока каша дойдет, Расскажи-ка мне, как ты десятком командовать собираешься?

Или не думал еще?

– Вот и нет! Всю дорогу только об этом и думал.

– Ой, врешь!

– А проверь.

– Кхе! Ну и что же надумал?

– Показать?

– А есть чего показывать?

– Есть.

– Ну давай.

– Демка! – позвал брата Мишка. – Подойди сюда!

– Чего, Минь?

– Так, Демьян, приказом старшины Младшей стражи и с благословения княжьего сотника Корнея Агеича, ты, Демьян, с сего дня назначаешься десятником первого десятка Младшей стражи.

– А чего это – я?

– Приказы не обсуждаются, а выполняются! Отвечать надо: «Слушаюсь!» Повтори!

– Слушаюсь.

– Тогда принимай командование!

– Это... А как?

– «Слушаюсь» забыл!

– Слушаюсь, а как командовать-то?

– Кузька твой брат?

– Ага.

– А кто из вас старше?

– Мы одинаковые... это... в один день родились.

– Но Кузька невезучий: то нож в ногу воткнет, то с доски сверзится, то с коня...

– Ага, он еще в кузне...

– Не перебивать старшину!

– Это самое... Слушаюсь!

– О! Понял службу, молодец! – ободрил новоиспеченного десятника Мишка. – Так вот, Кузька – невезучий, и тебе приходится за ним присматривать, как будто ты старший. Так?

– Ага, так.

– Вот и за ратниками своего десятка будешь присматривать, как будто ты для них старший брат. Учить, помогать, защищать, а если надо, наказывать. Понял?

– Понял, а как командовать-то?

Несмотря на Мишкины старания, Демка продолжал оставаться в недоумении. Дед не преминул «подсыпать соль на рану»:

– Кхе!

– погоди, деда, Демьян парень умный, сейчас все поймет, – Мишка снова принялся за объяснения: – Ты слышал, как сотник Корней сейчас командовал?

– Ага, а Кузька все равно всю морду... – злорадно подхватил Демка и, тут же осекшись, испуганно глянул на деда.

– Потому я тебя, а не его, десятником и назначаю – невезучий, – воспользовался подвернувшимся примером Мишка. – Как ты думаешь, мы сами на дневку становиться умеем?

– А как же!

– Тогда зачем же Корней Агеич командовал?

– А... это... Не знаю, – Демка напрягся и выдал результат напряженной работы мысли: – Он всегда так!

– Ну вот смотри, – продолжал гнуть свое Мишка, – дрова все заготавливать умеют?

– А чего тут уметь-то? Взял топор...

– А коням корм задавать?

– Конечно.

– А воду из полыньи набирать, костер разводить и все остальное?

– Так сколько раз уже...

– Вот: все всё умеют. А если все всё разом возьмутся делать, порядок будет?

– Не-а, договориться надо: кто чего делает...

– И сколько времени на договоры уйдет? А кто-то еще скажет: «Не хочу это делать, хочу то». Теперь понял?

– Ага, от командования порядок и быстрота! – Демка добрался наконец до вывода, к которому подталкивал его старший брат.

– Ну вот, деда, я же говорил: умный парень! – изобразил Мишка энтузиазм. – Все понял. Теперь дальше. Ты заметил, что на каждое дело Корней Агеич старшего поставил? Дрова заготавливать – Меркурия, сани в круг ставить и лошадей кормить – меня...

– Тебя он не назначал! – тут же уел брата Демка.

– Но я же первыми санями правил, а вы за мной следовали. Он меня просто не сейчас, а раньше назначил, когда на первые сани посадил. Понятно?

– Ага, а тетю Аню назначил главной кашеварить, а Андрея ей в помощь дал!

– Все правильно. Так и ты делай. Ты десятник, но не все же дела целым десятком делаются. Иногда народу меньше надо. Поэтому нужны... старшие стрелки.

– Кто?

– Командиры пятерок. Назначай их сам, но я советую Ростислава и Петра. Если, конечно, Корней Агеич не против.

– Кхе! Не против, – деду Мишкино представление, кажется, начинало нравиться.

– Ну вот. Назначаешь старших стрелков, и все команды – через них, чтобы тебе к каждому ратнику каждый раз самому не обращаться. С него и спрос, если кто-то из его пятерки что-то не так сделает. Вот Корней Агеич мне сейчас попенял за то, что за Кузькой не уследил.

– Кхе!.. Попенял, – подтвердил Мишкино вранье дед.

– Прямо сейчас назначай старших стрелков, как я тебя назначил. Расскажешь им то, что я тебе сейчас рассказал, распределишь остальных: кого к Петру, кого к Ростиславу. Кстати, сам как думаешь: кого к кому?

– Э-э... Сейчас... – Демка поскреб в затылке. – Не получается поровну! В одной пятерке выходит трое, а в другой четверо.

– А ты подумай, как сделать так, чтобы пятерки по силам примерно равны были.

– Тогда Меркуху надо в меньшую – он постарше и поздоровее. И Кузьку туда же, Роська с ним сладит, а Петруха нет. А остальных – к Петрухе. Только... это... Кузька обидится – меня десятником поставили, а его даже старшим стрелком не назначили.

– Пришлешь его ко мне, я объясню. А Петра с Ростиславом пришлешь к сотнику – представиться.

– Это как?

– Запоминай: «Господин сотник, дозволю представиться: старший стрелок первого десятка Младшей стражи Петр» или Ростислав. Запомнил?

- Запомнил. А зачем – господин?
- Для уважения. И насчет слова «слушаюсь» объясни.
- Ага... То есть слушаюсь!
- Совсем хорошо! После обеда скажешь старшим стрелкам, чтобы распределили людей по саням – править посменно. Первой пятерке – первые трое саней, остальные – второй.
- А которая пятерка первая? – вьедливость Демки уже начала доставать, но приходилось терпеть.
- Сам решишь. Когда будешь об этом говорить старшим стрелкам, то что еще сказать надо?
- Не знаю...
- Одежонка-то у ребят...
- Ага! – сообразил Демка. – У нас же тюк с одеждой там был. И сапоги.
- Давай командуй. А когда поедем, подсядь ко мне в сани, поговорим, как ночью стражу выставлять.
- Слушаюсь!
- Демка с озабоченным видом направился к саням, а Мишка развернулся к деду всем корпусом, встал «во фронт» и отчеканил:
  - Господин сотник, разреши получить замечания!
  - Разреша... Тьфу! Игрушки тебе все! Господина какого-то выдумал... Кхе! Господин сотник... Господин сотник. А что? И господин! А врал зачем? Я тебе пенял за Кузьку?
  - Нет, но они должны думать, что пенял. А как вообще? Правильно я начал?
  - Кхе! Сойдет для начала, – похоже, дед остался доволен увиденным. – А чего сам десятником не назвался?
  - Будет же и второй десяток, и третий. Сам обещал, что люди будут.
  - Ну-ну... Вон Кузька идет, что ему скажешь?
- Вид у Кузьки был одновременно обиженный и несчастный. Под левым глазом набухал синевой роскошный синяк – следствие соприкосновения с торцом оглобли.
  - Деда! – начал он плачущим голосом. – А чего Минька...
  - Пр-р-рекратить! – рявкнул дед. – Морду утереть, пояс подтянуть! Ты ратник или баба? Кузька опешил:
    - Какой ратник?
    - А-а! Так ты не в Младшей страже? Ну тогда гуляй, внучек.
    - Не, я тоже... – Кузька растерянно оглянулся на Мишку, потом снова уставился на деда.
    - Тогда чего скулишь? – дед был строг и непреклонен.
    - Так Демку в десятники... – уже не столь плаксивым голосом заговорил Кузька. – А я что, хуже?
    - Михайлу спрашивай, он назначал.
  - Кузьма вопросительно глянул на Мишку.
    - Ты не хуже, – тут же отозвался Мишка, – для тебя другое дело есть, не на десяток и не на два, а на всю Младшую стражу, сколько б ни было. Ты ведь с кузнечным делом лучше Демки справляешься?
      - Ну, смотря с каким. Папаня сказывал, что у меня тонкая работа лучше выходит.
      - Самострелы для всего десятка делать надо?
      - Надо. Только я один...
      - А кто сказал, что ты один? Ты этим делом командовать будешь. А самострелы каждый для себя под твоей командой делать станет. И ножи, и болты, и доспех подгонять. А еще надо кому-то следить, чтобы ратники все это в порядке содержали, и учить, как это правильно делать. Ратник Кузьма! С благословения господина сотника назначаю тебя оружейным мастером всей Младшей стражи! Десятком тебя постараюсь не обременять, но если народу себе

рется много, то придется и тебе покомандовать, так что ты присматривайся, как это у Демки выходит, чтобы его ошибок не повторять.

– Оружейным мастером? Так я же еще... – Лицо Кузьмы на глазах просветлело, впечатления не портил даже набухающий синяк.

– Научишься, отец поможет, я тоже, чем смогу, – ободрил Мишка.

– Тогда... Тогда ладно.

– Слушаюсь!

– Чего?

– Отвечать надо: «Слушаюсь».

– Ага... Слушаюсь.

Мишка дождался, пока Кузьма отойдет, и повернулся к деду:

– Ну как?

– Оружейный мастер – это хорошо. Правильно придумал. А вот самострелы... Игрушки это все. Несерьезное оружие. Луки вам надо в руки брать.

– Волков я побил? На звук стрелять научился? Нет, деда, я понимаю: лучному бою нам учиться надо обязательно, но и от самострелов польза есть. Вот сейчас, случись что в дороге, мы самое меньшее троих врагов положить сможем, а если еще и ножами, как в том переулке, то и больше. Младшей страже сила сразу нужна. А лучному бою учиться долго, и руки нужны не детские, как у нас сейчас. Ты не подумай, я не отлыниваю. Мы же и с самострелами учимся расстояние правильно определять, цель выискивать, на ветер и на движение упреждение делать. Это все и для лучного боя сгодится. Так что мы и с самострелами на лучников потихоньку учимся.

– То-то, что потихоньку. – Кажется, Мишкины доводы не очень убедили деда.

– Есть у меня еще одна задумка про самострелы, – продолжил Мишка, – только ты сразу не смейся. Обещал же выслушивать и обдумывать.

– Обещал, обещал. Давай уж, выкладывай.

– А если самострельному делу баб обучить?

– Кхе! Сдурел? Бабам оружие?

– погоди, деда! дай доскажу. от женщины или от девки никто ведь опасности не ждет. смотри: мать, тетя тая, аня-младшая, машка. четыре выстрела. если с близкого расстояния – любой доспех пробьет. мало ли что, а четыре выстрела есть четыре выстрела, да еще неожиданных. а если всех баб и девок в селе обучить? да они сотню воинов положат, оглянуться не успеешь.

ты представь себе: обложила ратное вражья сила, идут на приступ. мы баб на заборол ставим, а сами в седла и к воротам. один раз стрельнули – сотня болтов полетела, другой раз – еще сотня. а может быть, и больше – сколько выучим. враг в смущение пришел, заколебался, тут ворота настезь – и сотня ратников вылетает, а с заборол все бьют... так можно одной сотней полтысячи победить.

– Красно рассказываешь, заслушаться можно. мне парней-то в обучение не загнать, а ты – баб!

– И не загоняй. сначала можно только из тех семей, где мужики от воинского дела не отлынивают. ну сам подумай: уйдете вы на войну, кто ратное защитит? я с десятком стрелков? а если хотя бы сотня самострелов будет, мы хрен кого к тыну подпустим.

– Раньше-то уходили, и ничего, – голос деда стал уже не таким уверенным.

– Раньше у тебя десятка три новиков было. и выученных как следует. на них ратное и оставалось. да десятка полтора женщин из луков бить обучены, хоть с мужиками-лучниками им не сравниться, но тоже помощь. а тут – сотня, и сила выстрела от силы стрелка не зависит, у взрослого стрелка на полторы сотни шагов доспех пробивает, а то и на две! а если такая баба, как алена, так ей такой тугой самострел сделать можно, что и троих зараз пробьет.

- Кхе! Мудрец... Как в голову-то пришло?
- Было в древности такое племя – амазонки. У них все женщины лучницами были. С этим племенем никто совладать не мог, даже Александр Македонский.
- Македонский... Он весь мир завоевал, а с бабами не совладал? Трепач ты, Михайла. Ладно, подумаем. Если мать согласится... Сначала – только своих. Потом посмотрим. Анна! Что там с кашей?
- Доходит, ложки готовьте!
- Дед с Мишкой уже собрались идти к костру, как перед ними возникли Роська и Петька.
- Господин сотник, дозволю представиться: старший стрелок «Младшей стражи» Ростислав!
- Господин сотник, дозволю представиться: старший стрелок «Младшей стражи» Петр!
- Кхе! Молодцы... Э-э... Поздравляю с назначением!
- Спасибо...
- Надо отвечать: «Рады стараться, господин сотник!», – быстренько подправил Мишка.
- Рады стараться, господин сотник!
- Кхе! Десятник Демьян! Хорошо своих ратников учишь!
- Рад стараться, господин сотник!
- Ну, красота. В Ратном все усрутс... Кхе! Обалдеют. Пошли кашу есть. Музыканты! Ложки-то имеете?
- Как же без них, господин сотник?
- Ну и ладно.

* * *

Снова монотонно тянется заснеженная дорога, мерно топочут копыта, сани кренятся на ухабах. Демка, получив подробный инструктаж по организации караульной службы, соскочил с саней и отправился инструктировать старших пятерок. Дед с Немым ускакали вперед проверять лед на пересекающей путь речушке.

«На чем я там в своих «пророчествах» остановился? Да, две группы: предприниматели и, ну, скажем, «обыватели» – тяготятся воинской службой и как кадровый резерв для пополнения сотни малопригодны. Однако выжить без сотни они не смогут. Во-первых, времечко сейчас такое, что слабый обязательно становится, рано или поздно, добычей сильного. Во-вторых, благополучие населения Ратного обеспечивается жалованной грамотой Ярослава Мудрого, по которой ратники освобождены от всех видов податей и имеют право пользоваться, опять же безвозмездно, всеми близлежащими угодьями, с которых удалось согнать местных. А грамота эта дана за ратную службу. Не будет службы – не будет и льгот.

Вывод напрашивается сам собой: найти способ сохранить, а в идеале – увеличить боеспособность сотни. Порох, что ли, изобрести? Сомнительно. Даже не представляю, каким словом ЗДЕСЬ селитра называется, а если и увижу, то не узнаю – никогда не видел. Да и нет никакой уверенности, что при ЗДЕШНЕМ уровне технологий можно изготовить пудный ствол. Ну и не лезьте, сэр, не в свою епархию. Ваше дело – люди, стимуляция их к тому или иному способу поведения, вот этим и занимайтесь!

Проблему кадрового дефицита можно решить только пополнением извне. Если это противоречит традициям, то... тем лучше! Будем пополнять не ратнинскую сотню, а личную дружину боярина Корнея! Сотня прекратит существование, но воинская сила останется! А привилегии, между прочим, действуют только для военных, остальным придется платить за охрану. Предприниматели, пожалуй, будут и не против, а обыватели... обывателей заставим! Заставить, кстати, можно и обитателей окрестных селений. Обложить всех данью и содержать на это воинскую силу. Феод? Разумеется, феод! А чего еще можно ожидать в

двенадцатом веке? Феодализм, сэр. А должность командира становится не выборной и не назначаемой, а наследственной. Кем же в таком случае получается дед по европейским понятиям? Бароном? Нет, пожалуй, графом, потому что промежуточного уровня управления между дедом и первым лицом – князем – не будет. Земли, на которых мы живем, именуются Погорыньем – от названия реки Горыни. Корней Агеич Лисовин, граф Погорынский. Однако!

Что может этому помешать? В первую очередь, консерватизм мышления. Дед может сам не захотеть уходить из Ратного. Как выманить? Учебный центр! Рано или поздно, если дело пойдет, ему в Ратном тесно станет. Человек двадцать – двадцать пять на дедовом подворье разместить можно, но занятия проводить будет уже негде, да и конюшню на двадцать пять голов не разместит. А нужно еще где-то хранить припасы, амуницию, свою кузницу иметь, лазарет, гауптвахту, наконец. Нет, уломаем деда!

Ну что ж, сэр, будем в графья выбиваться? А что, чай, не в дровах найденные!»

* * *

На Княжьем погосте пришлось задержаться. Во-первых, крестили музыкантов и Роську, во-вторых, погостный боярин Федор Алексеевич – давний дедов приятель – уломал-таки деда посидеть за чаркой, как в былые времена, мотивируя свое предложение необходимостью отпраздновать крестины, в-третьих, лошади нуждались в отдыхе.

На первый взгляд боярин Федор ничего особенного из себя не представлял – обычный бородатый мужик, среднего роста, «выше средней упитанности», русоволосый, как, впрочем, и подавляющее число местных жителей, разве что одет побогаче да манеры имеет властные. Так на то и боярин. Однако веяло от Федора Алексеевича, несмотря на пузатость, волосатость и хамское обращение со слугами, чем-то таким, чего Мишке ЗДЕСЬ встречать еще не приходилось... Интеллигентностью, что ли? Нет, скорее, интеллектуальностью, если можно так выразиться.

Было что-то такое во взгляде, в манере выслушивать ответы, казалось бы, на совершенно простые вопросы, в кратких, но емких и точных замечаниях в разговоре... В общем, погостный боярин, которого Мишка по пути в Туров видел лишь мельком, вызывал к себе интерес.

С дедом боярин Федор вел себя запанибрата – называл его Кирюхой, а дед, в свою очередь, простецки именовал боярина Федькой. Чувствовалось, что были они очень давними и близкими друзьями, и с годами их взаимное благорасположение ничуть не уменьшилось.

Уставшие и намерзшиеся в дороге ребята быстро разомлели от сытной еды и чарки меда, поднесенной по поводу крестин. Некоторое время, пока дед красочно живописал своему старинному приятелю туровские приключения, они еще держались, но, когда разговор переключился на неинтересные для них темы, начали откровенно клевать носами.

Мишка же на еду, а особенно на мед, не налегал и, когда мать увела ребят спать, остался за столом: больно уж интересный разговор пошел у деда с погостным боярином.

– Ты смотри, как ловко Мономах своих сыновей рассадил, – вещал Федор. – Сунутся с запада ляхи или угры – на Волыни их Андрей Мономахич встретит, попробуют из Дикого поля половцы набежать – в Переяславле Ярополк сидит. Опытный воин, не единожды уже поганым задницы драл. Надумают черниговцы на Киев идти – Юрий из Залесья им в спину ударит. Сунутся полоцкие князья – тут и Вячеслав в Турове, Ростислав в Смоленске. Да еще Мономах дочку Агафью за Всеволода Давыдовича Городненского¹ выдал. Не силен князь, но против полочан помочь сможет. Со всех сторон прикрылись.

---

¹ Название Городно позднее преобразовалось в Гродно. Так город называется и сейчас.

– Больно у тебя, Федька, гладко все получается, – не соглашался дед. – Думаешь, Всеволод Городненский забыл, что его отца вольнского княжения лишили и в Дорогобуже век доживать заставили? В том деле Мономах заводилой был!

– Ну и что? За дело Давыда покарали! За то, что князя Василька Теробовльского ослепил! Да и породнился Всеволод Давыдович с Мономахом – зятем стал.

– Родство княжким которам не помеха! – продолжал гнуть свое дед. – Дружок наш с тобой, Федя, Ярослав Святополчич, тоже в родстве с Мономахом был. Третья жена его Елена Мстиславна – внучка Мономаха. Однако выгнал ее Славка вместе с ребенком.

– Ага... – боярин Федор вдруг пригорюнился и предложил: – Давай-ка, Кирюха, помянем Ярослава... Трое нас когда-то было, кто ж мог подумать, что так вот все выйдет...

Друзья выпили, не чокаясь, помолчали... Дед вздохнул и неожиданно улыбнулся.

– Золотые денечки были, Федька! Помнишь, как девкам в баню скоморошьего медведя запустили?

– Ха! – оживился Федор Алексеич. – А помнишь, как ты бабкой нарядился и боярина Гюряту на семь дней поноса сглазил? Его, бедолагу, целую неделю и несло, как утку! Весь Туров перерыли – колдунью искали.

– Ха-ха-ха! – подхватил дед. – Я же сам прилежнее всех и искал, даже чуть было не нашел!

Дальше воспоминания пошли валом, друзья, перебивая друг друга, вспоминали один случай за другим: пьянки, драки, розыгрыши, откровенное хулиганство, любовные приключения, снова драки...

«Ну, почудили деды в молодости! А что? Лет по шестнадцать-семнадцать им тогда было, да еще в компании с княжичем. Близкими друзьями, похоже, были – Славкой называют. А дед-то словно помолодел: все стариковские ухватки куда-то подевались, знаменитое «кхе» из речи исчезло, даже осанка изменилась – заметно, что в молодости орлом был. М-да, сэр, патриархальное общество с не отжившим еще менталитетом родоплеменного строя. Любой начальник неосознанно имитирует стариковское поведение. Совсем недавно, да и сейчас еще во многих местах всем заправляют старейшины, а потому авторитет управленца обязательно должен подкрепляться невербальным рядом, характерным для пожилого мужчины: неторопливость (даже некоторая скованность) движений, рассеянный взгляд, специфическая мимика, покашливание, насмешливая язвительность по отношению к более молодым...»

– А помнишь, как с черниговскими купцами подрались? – продолжал между тем дед. – Ох и отметелили нас тогда! У меня вот с тех пор зуба и нет...

– А у меня с тех пор к непогоде копчик ноет... – жизнерадостно вторил Федор. – Да-а, а Славке тогда ребро сломали...

– Ага! – подхватил Корней. – А он им в отместку, когда они перед отъездом молебен заказали, попу в кадило навозу подсыпал! Как и исхитрился-то? Вонница была!

– А помнишь, Кирюха, как Славка тебя с Аграфеной ночью из города выводил? Головами ведь рисковали... А! – Федор махнул рукой, опрокинув что-то из посуды. – Молодые были, все нипочем!

– Да... молодые... – улыбка медленно сползла с дедова лица. – А теперь ни Ярослава, ни Аграфены моей...

Боярин Федор тоже посерьезнел и как-то робко спросил:

– Как же ты теперь, Кирюша? А ну как надумает новый князь туровский Славкиных братьев из Пинска выгонять? Тебе же с сотней идти придется...

– Лучше и не спрашивай, Федя, – дед покрутил в пальцах моченое яблоко и вдруг сжал его в кулаке так, что сок брызнул в разные стороны. – Я уже за то Бога благодарю, что не пришлось мне два года назад на самого Ярослава сотню вести. Все понимаю... Ляхов и угров Славка на Русь привел, собственный город на щит взять собирался... Но, хочешь – верь, хочешь – не верь, Федя, радуюсь, что изувечили меня до того и в смерти Ярославовой даже

малой доли моей вины нет, – дед помолчал и с ожесточением добавил: – а еще радуюсь, что Аграфена не дождала и смерти брата своего не увидела, сотню ратнинскую на войну с ним не проводила...

В горнице повисла тишина, Мишка сжался за столом, стараясь сделаться маленьким и незаметным.

«Вот она, воинская служба: прикажут – и пойдешь воевать против собственной родни и друга юности. От хорошей жизни увечью не радуются... А дед ведь искренен, если б не ранение, пришлось бы ему вести сотню под Владимир-Вольнский. Правда, тогда бы не угробили треть народа на той переправе, но что чувствовал бы и переживал дед... Похоронить жену и идти воевать против ее брата, который, не убоявшись отцовского гнева, помог в свое время сбежать влюбленным. Вот вам, сэр, Ромео и Джульетта а-ля рюс».

Боярин Федор, словно откликаясь на Мишкины мысли, подал голос:

– Кирюш, а ведь старший сын Славкин – Вячеслав Ярославич, что в Клёцке сидит... Он же вроде как племянник тебе?

– Эх, Федька! Да была б у меня не сотня задрипанная, а войско настоящее... Повышибал бы я Мономашичей и с Волыни, и из Турова да посадил бы Вячка на отцовский стол!

– Ты что, Кирюха? – Федор Алексеич испуганно замахал руками. – Окстись! Не дай бог, услышит кто да донесет! Тоже мне, воевода великий! Князей он по столам рассаживать будет!

– Да не трясись ты, Федька! – Дед свысока глянул на приятеля и пьяно ухмыльнулся. – Сразу видно, что воинского дела ты не знаешь. Привык тут на погосте мешки да коробка считать... – Мишке так и показалось, что дед сейчас добавит: «Крыса тыловая». – У меня в Ратном неполная сотня, в Пинске и Клёцке, наверно, и того меньше. Всей войны – что два раза чихнуть да один раз пернуть... А насчет доноса... Да если бы ты тут у себя доносчиков терпел, так давно бы из погостных бояр вылетел. Что я, не знаю, что ли?..

– Знает он... – ворчливо прогудел в бороду погостный боярин, отжимая намоченный в огуречном рассоле рукав рубахи. – На меня не донесут, а на кого другого...

– Да ладно тебе! – перебил дед. – Скажи-ка лучше, кто, по твоему разумению, на место Мономаха в Киеве сядет? В Турове разное болтают... По лествичному праву очередь на великое княжение у Ярослава Святославича Черниговского...

– Плюнь, Кирюха. Похерил Мономах лествичное право.

Федор Алексеевич как будто только сейчас заметил Мишку и, покосившись на него, вопросительно глянул на деда. Тот в ответ лишь равнодушно махнул ладонью: пусть, мол, сидит. Погостный боярин еще раз покосился на Корнеева внука, пожал плечами и продолжил:

– Помнишь, как семь лет назад наше войско за Дунай ходило?

– Чего ж тут помнить? – удивился дед. – Я и сам с сотней ходил. Добычи тогда набрали... До Царьграда совсем немного оставалось – и вдруг назад повернули.

– Вот-вот! – подхватил боярин Федор. – А почему повернули? – и, не дожидаясь дедовой реплики, сам же и ответил: – А потому, что император Комнин признал Мономаха равным себе. Царем признал!

– Значит, правда? А я думал: трепотня.

– А ты, Кирюха, не думай! Воинского дела я не знаю, – передразнил Федор деда. – Да, не знаю, зато кое-что другое знаю получше тебя! Так что слушай, Кирюха, и мотай на ус... И ты, Михайла... Усов у тебя пока нет... – боярин обернулся к Мишке и ухмыльнулся. – Мотай, на что найдется.

– Будет тебе, Федька! – деду приятельская ухмылка явно не понравилась. – Если есть что, так выкладывай, нечего глумиться.

– Есть, Кирюшенька, еще как есть!

Федор Алексеич степенно расправил усы и, забыв, что сидит на скамье, откинулся назад, чуть не упав, но удержался рукой за край столешницы. Дед хихикнул, а его приятель, разом утратив наставническую величавость, заговорил спокойно, даже немного грустно:

– Цареградская империя одряхла, кругом враги: половцы, турки, арабы, крестоносцы тоже, хоть и христиане. Внутри мятежи, заговоры. Законная династия пресеклась: после Мономахов трон незаконно захватили Диогены, их спихнули другие самозванцы – Комнины. Им, чтобы удержаться на троне, нужны две вещи: признание законными императорами и сильный союзник.

Владимир Мономах, потомок законной цареградской династии, правда по женской линии, сел в Киеве незаконно. Воинской силой и признанием киевского боярства. А тати, Кирюха, ты сам знаешь, имеют обыкновение в шайки сбиваться. Вот незаконные Комнины и сговорились с незаконным Мономахом. Он их признает и помогает, при нужде, воинской силой. Они его тоже признают, но не просто великим князем, а царем.

«Блин! Оказывается, в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году мы не в первый раз от самого Константинополя назад повернули! Политика, тудыть ее...»

Кто царю наследует? Старший сын, и больше никто! – продолжал Федор Алексеич. – Все остальные князья становятся изгоями, все лишаются права когда-нибудь, в свою очередь, сесть на великий стол! – погостный боярин навалился грудью на край стола и выкрикнул прямо в лицо деду: – ВСЕ! Есть царь, и есть его слуги, какого бы звания они ни были, хоть бы и князья! Ну что, Кирюха, согласятся остальные Рюриковичи на такое?

– С-сучий потрох... – прошипел дед. – Кровью умоемся...

– Не сразу, Кирюша, не сразу. На киевский великий стол после Мономаха сядет, как и положено старшему царевичу, Мстислав Владимирович Белгородский. Мономах его специально из Новгорода в Белгород пересадил – к власти приучает. Мстислав уже сейчас в Киеве времени больше проводит, чем в Белгороде. Помешать этому никто не сможет. Я тебе не зря рассказывал, как Мономах своих сыновей по княжествам рассадил. Они спина к спине вокруг Киева встали со всех сторон, кроме Чернигова.

– Но там же как раз Ярослав Святославич, – прервал дед, – его очередь на великое княжение...

– Его очередь, да не его сила! – недослушал возражения Федор. – Он не воин. Когда еще на муромско-рязанском княжении сидел, даже с дикой мордвой управиться не мог. Будет тихо сидеть в Чернигове и радоваться, что обратно в Муром не гонят!

– М-да, пожалуй, что и так... – согласно покачал головой дед. – А другие братья Мстиславу не подгадят?

– Пока нет. Во-первых, им важно киевское княжение за родом Мономашичей удержать. Во-вторых, у Мстислава за спиной Новгород. Он там сызмальства жил, его новгородцы любят и знают. Когда Святополк Изяславич дружка нашего Славку хотел в Новгород посадить, а Мстислава на Волынь, новгородцы бучу подняли и не отпустили Мстислава – поперек воли великого князя пошли! Понимаешь, Кирюха?

– Чего ж тут не понять? – с деда, так же как и с его приятеля, заметно сошел хмель, выглядел он серьезным и сосредоточенным. – Не первый раз киевский великий стол новгородскими мечами берется. Так и Владимир Святой великим князем стал, и Ярослав Мудрый...

– Так и Мстислав станет! Даже и не мечами новгородскими, а только угрозой их, – добавил Федор. – Не первый раз, это ты верно сказал, но в последний!

– В последний?

– Да, Кирюша. Новгород медленно, но верно от Киева отходит. Мстислав в Новгороде своего сына Всеволода вместо себя оставил, а тот, дурень, с новгородцами не ужился. Довел до того, что новгородские бояре к Мономаху с жалобой в Киев приехали. А Мономах с ними

сурово поступил – те из бояр, кто крест на верность целовать отказался, в порубах² киевских сгнили. Одного только боярина Ставра жена Забава выручить сумела.

– Слышал я эту сказку! – дед скептически скривил лицо, отчего его и без того страшный шрам стал выглядеть и совсем уж жутко. – Брехня, не могло такого быть!

– Ну почему же брехня? Могла баба мужиком переодеться? Могла! Могла на скачках выиграть? Могла! Был бы конь резвый...

– Могла, могла... – согласно закивал дед, – а вот победить в поединке ратника из ближней княжьей дружины, да еще не одного – ни в жизнь!

– Кирюш, бабы разные бывают. А в Новгороде, если не знаешь, суд и бабам поле³ присуждает. В доспехе и с острым оружием!

– Все равно! – дед пристукнул кулаком по столу. – У меня в Ратном тоже одна такая есть. Аленой зовут. Здорова – слов нет! Однажды корову из навозной ямы за задние ноги вытащила! Из лука бьет – хоть сейчас в строй ставь! Кулаками машет – лучше не подходи, насмерть уложить может. Однако же в настоящем поединке даже я, на одной ноге, ее одолею. Воин есть воин, а в ближней дружине великого князя слабаков нет.

– Но мужа-то она выручила!

– Да ублажила Мономаха по-бабьи, и весь сказ! Такую лихую бабу любому мужику... Гм... – дед покосился на Мишку. – Лестно...

– Да, это верно... – Федор мечтательно завел глаза и посветлел лицом, видимо вспомнив что-то приятное. – Лихие бабы, они... – боярин, так же, как только что дед, покосился на Мишку и примолк.

«А сказка-то, если помните, сэра Майкл, до третьего тысячелетия дожила. Про Забаву Путятичну, победившую князя Владимира Красно Солнышко в конных состязаниях, побившую в поединке несколько дружинников за раз и перепившую на пиру самых крутых выпивох. Только вот «Владимир Красно Солнышко» – собирательный образ Владимира Мономаха и его прадеда – Владимира Святославича Святого, крестившего Русь. Эх, такую легенду лорд Корней опошил!»

– Не сходится у тебя, Федька! – прервал Мишкины размышления дед. – То ты говоришь, что новгородцы за Мстислава горой стоять будут, то – что против сына его взбунтовались и наказание претерпели. Не сходится.

– Невнимательно слушаешь, Кирюха, я сказал: если не мечами новгородскими, то их угрозой. Ярослав Мудрый тоже с новгородцами разругался, но, когда понадобилось, сумел помириться. Мстислав не дурнее прадеда своего, даст Новгороду какие-нибудь льготы, еще чем-то ублажит... Он в Новгороде почти всю жизнь прожил, знает, чем новгородцев удовлетворить. Поэтому угроза есть, и никто из князей рисковать не решится – судьбу Святополка Окаянного повторять никому не охота.

– Тогда опять не сходится! – гнул свое дед. – По твоим словам, все мирно должно пройти, а ты сам про кровь говорил!

– И опять ты меня невнимательно слушал! Стареешь, Кирюша, стареешь...

– Сам больно молодой, – дед обиженно насупился, но было видно, что не всерьез. – Давай уж объясняй, «Федька Премудрый».

– Я согласился с тобой, что кровь будет, но сказал: не сразу. Первая кровь будет привычной. Половцы после смерти Мономаха обязательно воспрянут и нового великого князя на прочность попробуют. Но Мстислав с братьями их быстро в разум приведут, не впервой. Вто-

² *Поруб* – подземная тюрьма. Деревянный сруб, опущенный в яму. Сверху накрывался настилом и засыпался землей так, что оставалось лишь небольшое окошко для подачи воды и пищи. Естественные надобности узники справляли тут же – на земляной пол. Выжить в таких условиях, хотя бы несколько месяцев, было редкой удачей.

³ *Поле* – судебный поединок, «Божий суд», победитель в котором безоговорочно признавался правым и свободным от любых обвинений.

рая кровь... – боярин Федор немного помолчал, барабанил пальцами по столу и что-то прикидывая про себя. – Вторая кровь будет чуть позже – в Полоцком княжестве. Если уж Мономашичи решатся всю Русь под себя нагибать, то начнут с Полоцка. Эту язву, и правда, надо с корнем выжигать, мира у Киева с Полоцком уже никогда не будет. К тому же у Мономашичей своих сыновей взрослых полно, а тут целое княжество освободится, будет куда детишек пристроить. В общем, Кирюха, все полоцкие князья (сколько их там, пятеро, что ли?) повторят судьбу Всеслава Полоцкого и Глеба Минского – либо в поле полягут, либо в киевских порубах сгниют.

– Гм... Сурово мыслишь, Федор...

– Кирюш, ты что, и впрямь стариком стал? Не понимаешь?

– Да все я понимаю, Федька! – дед досадливо поморщился. – Война рядом с племянном моим пройдет – Славкиным сыном. Не дай бог, полоцкие князья его на свою сторону перетянут, Мономашичей-то ему любить не за что.

– Ну и как спасать будем Вячка?

– Придумаем... Время еще есть, – дед вопросительно глянул на друга. – Есть ведь, Федя?

– Ну... – Федор поколебался. – Пока с половцами разберутся, пока другие неурядицы утрясут... Года два, Кирюша. Думаю, что года два у нас есть.

– Вот и ладно. Мы с тобой не старые еще, два года, бог даст, проживем. А там вон и Михайла в силу входить начнет... Да в конце-то концов! – вдруг обозлился дед. – Свой-то ум у Вячеслава должен быть, моим же сыновьям почти ровесник! Жизнь повидал, при угорском и ляшском королях покрутился... Не дите!

«Злится лорд Корней! Верный признак: не знает, что делать. А что тут сделаем? Мономашичи старшего сына Ярослава Святополчича не могут во врагах не числить. Найдут повод и кокнут. А дед себя считает обязанным его защитить, да и Федор Алексеич, похоже, так же мыслит. М-да, дело долга и чести. Вправимся так, что костей не соберем, Мономашичи цацкаться не станут, прихлопнут, как мух. Взять бы и найти Вячеславу Ярославичу новое княжество, а дед при нем воеводой, а Федор – главой боярской думы... Бред собачий!»

– Давай дальше, Федя, чую, что про главную кровь ты еще и не начинал. Так?

– Так, Кирюша... А может, по чарочке сначала?

– Наливай. Михайла, тебе спать не пора ли?

– Деда! Мне же через два года шестнадцать будет! Вы как раз про те времена говорите, когда мне службу начинать. Дозволь остаться! Федор Алексеич! – Мишка умоляюще глянул на хозяина дома. – Ну где я еще такое услышу? Дозволь еще с вами посидеть, я же не мешаю!

– Ну что, Федя, пусть остается? Ладно, сиди слушай, мотай на у... На что ты там мотаешь?

– На... – Мишка с трудом сдержал лезущее наружу слово. – На палец мотаю, деда.

– Это ты зря! – боярин Федор хихикнул и подмигнул деду. – Руки у воина должны быть свободны, на другое место мотать надо!

– Там уже не помещается! – Мишка все же не удержался. – Не дорос еще до ваших статей!

– Га-га-га! – Корней с Федором дружно загоготали, потом с удовольствием опрокинули чарки и принялись закусывать.

«Ну что за мужики! Только что о смертельных, без преувеличения, делах говорили, а теперь ржут, как жеребцы. Привыкли всю жизнь по краю ходить, а в перерывах оттягиваться... Федор, конечно, прибедняется, что не воин. Попробуй столько лет сидеть в глухомани, дань с язычников собирать и живым остаться. Но берет явно не силой – на погосте всего-то десятка три ратников, и из них половина – князья, а половина – боярская дружина самого Федора. Умен, слов нет, умен. То-то у него деревеньки и тут есть, и на восточном берегу Случи. А семьи нет, ни жены, ни детей. Что-то не так, надо бы деда потом выпросить или мать».

– Давай, Федюша, вещай далее, но помни: тебя будущий сотник слушает и... хе-хе, куда надо мотает!

– Думаешь, станешь сотником? – Федор Алексеич испытующе оглядел Мишку. – Хватит силушки?

– А куда он денется? Если не станет, пусть на том свете мне на глаза не показывается! Выпорю!!! А ты, Михайла, слушай и мотай... Тьфу, привязалось! Давай-ка, Федя, еще по одной!

«И как вам, сэра Майкл, перспектива стать сотником? Мало! Не знаю почему, не знаю для чего, но мало! Спинным мозгом чувю: больше надо! Пять сотен, десять... Сто! ЗДЕСЬ это тьмой называется. Не хочу, как дед, в майорах обретаться, хочу быть корпусным генералом! А Владычицей Морскою не желаете, сэра? И чтобы золотая рыбка на посылках?»

Стоп! Откуда это все лезет? То желание командовать десятитысячным корпусом, то новое княжество для дедова племянника... между прочим, моего двоюродного дядьки. Подсознание что-то пытается подсказать? Или просто дурь? Подождем, если подспудно вызревает какая-то идея, то со временем вылезет более отчетливо, а если дурь, то забудется. Федор уже, кажется, к самому интересному перешел, слушайте, сэра, и мотайте... Блин, да что ж такое-то?»

– Когда это все закрутится, я, Кирюша, сказать пока не могу, – Федор говорил раздумчиво, тщательно подбирая слова. – И никто пока не может. Мстислав немолод – полсотни вот-вот сравняется. Сколько он еще проживет? Как отец – до семидесяти двух? Если так, то часть братьев – а может, и все – не так, так эдак в мир иной перейдут. Тогда посадить после себя наследником старшего сына у него может получиться.

Тут, Кирюша, время важно. Целое поколение (а лучше два) должно вырасти при Мономаховом роду на киевском великокняжеском столе. Чтобы казалось, что иначе и быть не может, чтобы иного и помыслить не могли. Если проживет Мстислав еще лет двадцать, так и будет. Сыновья подрастут, осильнеют. Снова, как нынешние Мономашичи, спина к спине вокруг Киева встанут. Мономах еще не царь, и Мстислав царем не будет, а вот если Всеволод Мстиславич Новгородский от отца киевский стол примет, тогда будет у нас царь и царство. Единое, сильное, способное не только от врагов оборониться, но рубежи раздвинуть.

Федор Алексеевич помолчал, передвинул туда-сюда по столу чарку, вздохнул и продолжил:

– Только не верится мне, Кирюша, в такое благолепие. Так и знай: проживет Мстислав меньше десяти лет, и не видать нам с тобой тогда спокойной старости. Всеволод Новгородский слаб, против дядьев не устоит. Я тебе не зря сказал, что Мстислав Мономашич последний из князей, кто новгородской силой на киевский стол садится. Сам Мономах пришел в Киев из Переяславля – с границы Дикого поля. С сильным войском и славой защитника Русской земли.

Сила и слава, Кирюша, – вот ключ от Киева, а не лествичное право и прочие уставы, ряды и уложения. Власть не дают, власть берут! Не доживет Мстислав до шестидесяти, придет третья кровь – самая большая и страшная! Первым на киевский стол взберется Ярополк Переяславльский. Спросишь: почему? Войско! Войско, которое все время в готовности, которое что ни год, то воюет, которое постоянно пополняется удальцами, не желающими дома сидеть, а готовыми головой рискнуть ради славы и добычи.

Надо ли объяснять, что дружины и ополчения других князей против него ничто? Но на всю Русь его силы, конечно, не хватит, и братья начнут дележ земли. Вот тогда-то... Так что, Кирюша, на спокойную старость не рассчитывай. Копи силу, воспитывай вот их, – Федор хлопнул Мишку по плечу так, что тот чуть не слетел с лавки, – и молись, чтобы племяш твой Вячеслав Ярославич Клещкий дожил до того смутного времени, когда возможным станет все!

* * *

На очередной дневке Мишка вспомнил о том, что собирался расспросить мать о боярине Федоре. Время было как раз подходящим – Анна Павловна, пристроившись у костра, над которым висел котел, крошила на разделочной доске солонину. Мишка присел на бревно рядом с матерью и спросил:

– Мам, а чего это у Федора Алексеича ни жены, ни детей? И живет он один в глухомани, а ведь заметно, что не глуп и образован.

– Еще бы незаметно было! – отозвалась мать. – Он когда-то при великом князе Святополке Изяславиче большим человеком был – в посольских боярах ходил. Сам послом, правда, ни разу не был – в возраст почтенный не вошел, но советником при послах ездил много раз.

Только вот не повезло ему в жизни, – мать сочувствующе вздохнула. – Умный он, добрый, когда-то весельчаком был. Первый раз женился... – мать поколебалась, но, видимо, все же решила не кривить душой. – Первый раз он женился, как говорили, не по любви – из выгоды. В жены себе взял дочь ближнего боярина великокняжеского. Видать, Бог его за это и наказал. Чуть больше года прожили, и жена его умерла во время родов. И ребеночка лекари тоже спасти не смогли.

Прошло сколько-то лет, года три, наверно, и поехал Федор Алексеич с посольством к ляхам. Дружок его князь Ярослав Святополчич на дочери короля Болеслава жениться надумал. Ну сватовство, да еще королевское... Пьянки-гулянки, пиры, охоты... Приглянулась боярину Федору одна паненка, Кристиной звали – дочка кого-то из ближников князя Мазовецкого. И он, говорили, ей по сердцу пришелся. В другой раз поехал Федор Алексеич в Краков – невесту к жениху везти, а на обратном пути остановились у князя Мазовецкого в замке. Тут Федор возьми да и посватайся к Кристине.

Отец ее, не упомяну уже, как его звали, ни да, ни нет не сказал, но обнадежил. Видать, хотел сначала вызнать как следует все про будущего зятя. Ну, отгуляли свадьбу, Ярослав Святополчич с молодой женой зажил, а Федор все мается. В конце концов попросил Федор князя Ярослава помочь в сватовстве, а для начала послать его с каким-нибудь поручением к князю Мазовецкому: очень уж ему Кристину повидать хотелось.

Ну, для дружка старинного князь Ярослав расстарался. Отправил с боярином Федором грамоту, а в ней попросил князя Мазовецкого похлопотать об удаче в сватовстве. Мол, боярин Федор Алексеич мой друг старинный, человек достойный, у самого великого князя в чести. Федор по дороге Кристину навестил, и такая у них любовь сделалась, что уговорились сбежать вместе, если отец на женитьбу не благословит. Но оказалось, что зря сговаривались: князь Мазовецкий как грамоту Ярославову прочел, так сразу и велел свадебные подарки готовить. «Я сам, – говорит, – сватом у тебя буду, мне не откажут!»

Федор, конечно, рад-радешенек, единым духом слетал в Киев, получил благословение у родителей – они еще живы были тогда – и обратно в Мазовию. Весна, распутица, реки разлились, чуть не утонул по дороге, но разве мужчину в таком деле удержишь? Приехал, а подарки подносить и некому! Вместо усадьбы отца Кристины только стены закопченные – пруссы перед самой ростепелью набег на Мазовию учинили. Рассчитали, поганцы, что по половодью за ними никто в погоню не пойдет.

Федор Алексеич – к князю Мазовецкому, тот утешил: трупы Кристины на развалинах не нашли, значит, жива – в полон увели. Погоди, говорит, реки в берега вернутся, пошлю дружину в Пруссию, глядишь, и невесту твою отыщем. Ну, Федор на месте, конечно, усидеть не смог, поехал к князю Ярославу во Владимир-Волынский. Тот другу посочувствовал, дал три сотни латных для похода на пруссов. Ратнинская сотня тоже пошла.

Лето в тот год рано началось, жара, сушь, ратники в доспехах так упревали, что, бывало, без памяти с коней валились, один Федор как железный, не ест и не спит. Как какого прусса живым возьмут, сам пытал страшно, все дознавался, где нужно его невесту искать. Нашли все-таки на одном хуторе. Батюшка Корней рассказывал, что поверить не мог, будто она до того красавицей была: худая, страшная, в волосах седые пряди, это в шестнадцать-то лет! А на шее полоса синяя и кожа ободрана – руки на себя наложить пыталась, да не дали, успели из петли вынуть.

Казалось бы, все хорошо кончилось, как в сказке – витязь суженую отыскал, от врагов освободил, теперь честным пирком – да за свадебку... – мать примолкла и утерла тыльной стороной ладони скатившуюся по щеке слезу. То ли так переживала свой собственный рассказ, то ли как раз резала лук. – Только ты, Мишаня, сказкам не очень-то верь.

Мишка даже вздрогнул оттого, как разительно изменился на последней фразе голос матери. До этого она, словно и вправду рассказывала сказку, говорила слегка нараспев, вплетая в свою речь характерные для сказочников словесные обороты. Последние же слова были сказаны зло, с каким-то особым ожесточением.

– В сказках, сынок, ничего не говорится о том, что полонянки, по многу раз насилованные, битые, униженные, за месяц из девиц в старух превращаются. И о том, что, даже сохранив рассудок, невеста после всего этого в женихе такого же кобеля, какие над ней измывались, видит, сказочники тоже помалкивают.

Короче, в монастырь она уйти решила. Как Федор ни уговаривал, как ни пытался о любви их напомнить... Там еще, как на беду, поп латинский с дружиной мазовецкой был. Все страдал, что самоубийство, хоть и неудавшееся, грех великий. И лях один. Упился, дурак, прусского пива да и ляпнул, что русичи, мол, неразборчивы – готовы из-под кучи чужих мужиков подстилку замуж взять. Федор его даже на поединок вызывать не стал, так, голыми руками, шею свернул.

«Стоп, стоп, стоп, сэр! Что-то маман понесло, такие вещи пацану рассказывать... Может быть, лучше как-то закруглить разговор? Сама же потом жалеть будет».

Мать между тем все с таким же ожесточением продолжала:

– В общем, ушли ляхи, и поп Крестину увез. Ему-то выгода – других наследников у отца Кристины не осталось, значит, все имущество и земли Церкви отойдут. Федор потом говорил, что это ему наказание Божье за то, что первый раз из выгоды женился, а Крестине о первом браке ни словом не обмолвился.

Ушли ляхи, остался Корней воеводой над четырьмя сотнями латников, и поехало. Начали с того, что Федор хозяина хутора, где Крестину нашли, гвоздями к дереву около муравейника живым приколотил. Пока пиво допивали, в дорогу собирались да хутор жгли, всё слушали, как тот прусс, заживо съедаемый, диким голосом орет.

А потом... Два городища прусских начисто выжгли, а сколько деревенок да хуторов – бог весть. Что с людьми творили – Корней по сию пору поминать стесняется. В конце концов доигрались – попали в лесной пожар. То ли их собственный огонь догнал, то ли пруссы сами лес подожгли, чтобы их зверство прекратить, да только еле выбрались. Полон, добычу – всё бросили, некоторые даже заводных коней потеряли.

Домой вернулись – звери зверьми, а тут еще засуха, неурожай. Сколько баб в то лето в синяках от мужниных кулаков ходили, почитай, всё Ратное. Батюшка твой Фрол Корнейч, покойник, тоже не раз приложился...

«Ни хрена себе, сэр Майкл, это что же такое ваши либер фатер откаблучил, что мать до сих пор простить не может? Дела-а... Пора заканчивать беседу, а то еще чего-нибудь такого наслушаюсь...»

Мишка попытался подняться с бревна, но мать придержала его рукой:

– Сиди уж! Начали, так до конца расскажу.

– Может, потом как-нибудь? – осторожно возразил Мишка.

– Сиди слушай! Давно пора было рассказать, да все случая не было. Дед-то обязательно до последнего дня дотянул бы.

«Сурпрайз, сэр! Оказывается, мне это все зачем-то знать положено! Интересно, зачем?»

– Уехал боярин Федор в Киев. Там женился во второй раз, опять на боярышне из знатного рода, снова стал при посольствах службу править. Разбогател изрядно, князем великим отмечен был не раз. В Царьграде чем-то так отличился, что золотой шейной гривной пожалован был и землями.

И с семьей все ладно получалось. Лет десять жили душа в душу. Он со своей Евдокии пылинки сдувал, на руках носил – всю любовь, что первым двум женщинам недодал, на нее изливал. Детишек троих нажили – двоих мальчишек и девочку. Катериной назвали.

Мать помолчала, помешивая булькающую в котле кашу.

– Казалось бы, живи и радуйся. Только Господь наш, который есть Любовь, – мать саркастически скривила губы, – если уж взялся карать, то удержу не знает.

У Мишки от дурного предчувствия даже похолодело в животе.

– Сначала, – продолжала мать, – умер благодетель Федора – великий князь Святополк Изяславич. Пришел в Киев Мономах, и отец Евдокии в опалу попал, хотя Федора это не очень коснулось. А потом... На святки повез боярин Федор семью кататься. Сам верхом, а семья в саях. Разогнались по днепровскому льду, возница свистит, детишки визжат, Евдокия улыбается. Такими их Федор и запомнил. Польшью на Днепре тонким ледком затянуло да снежком запорошило, если не приглядываться, то и не заметишь. Конь туда со всего маху и влетел. Сам сразу с головой под лед ушел и сани с собой втащил. Как Евдокия успела Катерину на лед выбросить, даже и Федор сам понять не смог, а остальные все сгинули.

И запил Федор. Сначала понемногу, а потом, как с княжьей службы погна... Да и кому он нужен-то такой? От прежнего великого князя остался – чужой, пьяница – дело доверить нельзя, хозяйство запустил, земли, князем Святополком пожалованные, так и не обустроил... На дочку и глядеть не хотел, все повторял, что если бы не она, так Евдокия спастись могла бы. Отправил Катерину к сестре Евдокии в Треполь.

Кто Корнею рассказал, что с другом такая беда приключилась, не знаю, да только съездил он в Киев и привез Федора к нам в Ратное. Тебе еще четырех лет не было, ты не помнишь.

Мишка не помнил вообще ничего из того, что происходило до «вселения», даже отца, но молча кивнул, вроде что-то смутно припоминая. Мать, впрочем, не обратила на это никакого внимания и продолжала свой рассказ:

– Сотворил отец Михаил истинное чудо. Как уж это у него вышло, не знаю, месяца три с Федором возился, сам чуть Богу душу не отдал, но привел-таки боярина в разум. Единственное, чего добиться не смог – того, чтобы Федор к дочери вернулся, видно, слишком сильно напоминала Катерина ему о погибшей жене. В то время и сделал князь Ярослав Святополчич своим друзьям последний подарок. То ли предчувствовал беду, которая с ним случиться должна, то ли просто помочь хотел... Отцовской великокняжеской печатью скрепил он две грамоты: одну – Федору на погостное боярство, вторую – Корнею на боярское достоинство и Погорыньское воеводство.

Федор подарок принял, так и правит с тех пор на Княжьем погосте, а дед твой отказался, мол, если сам Святополк Изяславич его одарить не пожелал, то поддельного воеводства ему не нужно. Гордый!

Последнее слово мать произнесла так, словно плюнула, и надолго умолкла. Мишка решил уже было, что все, опять начал подниматься с бревна, но мать снова удержала его:

– погоди, самого главного я тебе не сказала. Катерина и сейчас у тетки – боярыни Ирины – в Треполе живет. Она моложе тебя чуть меньше, чем на два года. Так что годика через три

готовься жениться: Корней с Федором вас с Катериной у ее колыбели обручили, породниться им, видишь ли, захотелось!

– Что?!!

От подобной новости Мишка чуть не сверзился с бревна, на котором сидел.

«Ни хрена себе! Я, выходит, уже обручен! Без меня меня женили, туды их попереки! И молчат! А Юлька? Да не нужна мне никакая Катерина, знать не знаю и видеть не хочу! И вообще, может, крокодил какой-нибудь... Во влип! Чего ж делать-то теперь? А что тут сделаешь? Дед от своего слова не отступится... Треполь, Треполь... Кажется, это южнее Киева, может, половцы налетят и свадьба расстроится за наличием отсутствия невесты? Господи, что замысли...»

Потрясение было слишком сильным. Первой мыслью была Юлька, потом злость на деда, потом Мишка понял, что мгновенно утратил возникшую было симпатию к боярину Федору. Только потом до него дошло, что мать явно не одобряет дедовых планов.

– Мам, – тихонько спросил Мишка, – тебе вроде бы это обручение не по нутру?

– А тебе? – вопросом на вопрос ответила мать.

– Да на кой мне эта Катерина? У черта на рогах – в Треполе! Да и вообще... – Мишка запнулся, сказать по поводу «вообще» можно было многое, но, во-первых, это все и было «вообще», одни эмоции без конкретики, а во-вторых, мать и так его прекрасно поняла. – А чего ж ты тогда соглашалась-то?

– А кто меня спрашивал? – мать невесело усмехнулась. – Когда Фрол с отцом к Федору на крестины ехать собирались, об этом и речи не было, а когда вернулись из Киева, поздно было – обручальное кольцо твое привезли.

– Чего ж раньше-то молчали?

– У деда спрашивай...

«Ага, у него спросишь... Впрочем, сэр, важнее сейчас не то, почему молчали, а то, почему это всплыло именно сейчас? И что же по этому поводу можно предположить? Блин! Да ларчик-то просто открывается! Мать окунулась в столичную жизнь, покрутилась среди подруг детства, а некоторые из них оказались даже и боярыни, наверняка выслушала не один комплимент по поводу своего сына, особенно после того, как князь с нами ласково обошелся. Боярыни, положение чьих мужей пошатнулось с приходом нового князя, и имеющие дочерей подходящего возраста, вполне могли положить глаз на «перспективного» парня. Тут-то мать и вспомнила про то давнишнее обручение, о котором, может быть, и думать забыла за давностью лет.

А намеки от подружек детства могли последовать очень привлекательные, вот мать и заело. Это, кстати сказать, объясняет и злость матери по поводу дедова отказа от боярства и воеводства – одно дело – хоть и перспективный, но худородный жених, и совсем другое – боярич и воеводиц! Тут ведь дело не только во мне одном, старшие же сестры в возраст невест входят, будь они боярышнями, можно в Турове...»

– Анюта!!! – прервал Мишкины размышления крик деда. – Куда смотришь?! Каша подгорает!

– И так сожрете, не подавитесь! – зло огрызнулась мать и, резко поднявшись с бревна, на котором сидела рядом с Мишкой, пошагала куда-то в сторону кустов.

* * *

Седьмой день пути. От Княжьего погоста до Ратного, если по хорошей дороге да налегке – полтора дня. Но сани тяжелые, лошади подустали, да и дорога... Никуда, кроме Ратного и Нинеиной веси, она не вела, значит, ездили по ней мало, а весеннее солнышко поторапливало: того и гляди, окажешься посреди леса в непролазной каше талого снега.

Кроме того, дед явно чего-то опасался. Игрушки в Младшую стражу как-то сразу переросли в совершенно серьезное дело: дед сам проверял по ночам посты, вытащил из саней копьё – свое и Немого – то и дело заставлял санный поезд останавливаться и вдвоем с Немым уезжал вперед, проверяя подозрительные места. Все ехали в кольчугах. Брони не хватило только Меркурию: четыре трофейных доспеха из скоморошьего фургона пришлось делить на пятерых – Роську и четырех музыкантов. Меркурий отговорился своей, уже ставшей привычной, фразой: «Ребятки жалко, я-то как-нибудь выкручусь».

То, что дед беспокоится не напрасно, вскоре подтвердилось весьма наглядным образом: на опушке леса обнаружили следы нескольких конных. Судя по следам, четверо верховых выехали к дороге, некоторое время постояли, а потом снова вернулись в чашу. Немой немного проехал по их следам и вернулся с неутешительной вестью: всадники повернули в сторону Ратного. Почему они двинулись не по дороге, оставалось только гадать, но ничего хорошего подобное обстоятельство не сулило.

«Шесть саней, восемь лошадей, двенадцать человек. Из двенадцати только пять вооружены, но трое из них – мальчишки. Расклад еще тот. Но как дед догадался?»

– Деда, ты как догадался, что за нами следят? – улучив подходящий момент, поинтересовался Мишка.

– Рожу одну знакомую на погосте заметил, и очень мне эта рожка не понравилась... – Дед поморщился, отчего его жуткий шрам шевельнулся, как живое существо; зрелище, даже для привычного к дедову уродству Мишки, оказалось жутковатым. – Вот что, Михайла, если что заметишь, сразу стреляй: своих здесь быть не может. Понял?

– Понял, деда. И сани в круг?

– Не выйдет – лес кругом, даже не пробуй. Луки у них, скорее всего, будут слабые – лесные ододеревки. Из такого броню не всегда и пробьешь. Если что, ты сразу из саней вываливайся, прячься за поклажу и высовывайся осторожно, они в лицо метить будут.

– Из самострела можно и лежа стрелять, а им в полный рост стоять придется!

– Заряжать все равно стоя будешь, – охладил Мишкину уверенность дед, – и на один твой выстрел они десятком ответят, если не больше.

Сотник был серьезен и деловит. Очень серьезен. Его можно было понять: вдвоем с Немым (самострелы ребят он явно серьезной силой не считал) предстояло оборонять обоз от неизвестного количества врагов. Мишка все же решился спросить:

– Кто они?

– Родичи тетки Татьяны из Куньего городища.

– Что, до сих пор не простили?

– И не простят. Надо было мне туда с сотней наведаться, да не стал – все-таки родичи, – дед снова поморщился. – А зря, видать...

– Деда, лишних бы в скомороший воз загнать, чтоб на виду не были... – внес конструктивное предложение Мишка.

– Уже загнал. Так ты посматривай. И своей головой соображай, мне некогда будет... старшина.

– Считай, что учеба началась – караван защищать будем!

– Тьфу! Все тебе шуточки! Посматривай, говорю!

«Кунье городище» Раньше дед такого и не упоминал, а остальные говорили: «Татьянина деревня». Если городище, то это поселение древнее. В таких славянские роды жили с тех времен, когда пришли на эти земли. Интересно: почему «Кунье»? Может быть, куница у них тотемным животным была? О ерунде думаете, сэр, есть вещи поважнее. Например, то, что лесные жители мастерски умеют устраивать засады. Странно, что они нам свои следы показали. Или специально хотели попугать?»

Едет караван, а его выслеживают туземцы – натуральный вестерн, только вот кольцов и винчестеров нет. Даже кремневого или фитильного самопала нет ни одного.

Как нас будут брать? Повалят дерево на дорогу? Незачем. Сани у нас тяжелые, а они верхом, догонят без проблем. Луки у них слабые. Да в лесу дальнотойный и не требуется, значит, постараются бить с близкого расстояния, а следовательно, наибольшая опасность там, где лес близко подходит к дороге».

Мишка набрал в грудь воздуха и крикнул:

– Роська!!! Подойди!!!

– Иду!!! – раздался ответ откуда-то из середины каравана.

Придерживать Рыжуху Мишка не стал, сани и так тянулись со скоростью пешехода. Роська подбежал, поддерживая руками слишком длинную для него кольчугу, плюхнулся рядом с Мишкой, посмотрел преданными глазами.

В Князем погосте его окрестили вместе с музыкантами. Роська, как выяснилось, и сам не знал, какого он вероисповедания. Возможно, в младенчестве и был окрещен, но родителей и дома своего не помнил. На ляшскую ладью, которую захватил в абордажном бою лихой купец Никифор, его продали, а до того продали еще раз или два, сам он сказать затруднялся.

Мишка, нахально глядя в глаза священнику, заявил, что желает по примеру первохристиан освободить своего раба, обращенного в истинную веру, а чтобы и памяти о рабстве не осталось, сменить ему имя. Символа веры Роська, естественно, не знал, но священник, ради такого дела, благосклонно не обращал внимания на то, что Мишка подсказывает своему крестнику нужные слова. Так и стал Роська Василием. На напутственные слова священника о том, что, не имея иной родни, должен раб Божий Василий почитать Михаила как отца родного, Роська отреагировал неожиданно бурно: разрыдался и кинулся Мишке в ноги. В принципе его можно было понять: обрести семью после всех приключений, которые ему довелось пережить... Мишка как-то иначе начал вспоминать Ходока, в сущности, воспитавшего из Роськи вполне приличного парня, а не тупого холопа, но по-собачьи преданные глаза Роськи прямо-таки вгоняли его в краску.

– Слушай меня внимательно, – начал Мишка, по-прежнему не глядя Роське-Ваське в глаза, а вроде бы бдительно оглядывая окружающую местность. – Сейчас пойдешь вдоль саней и передашь всем возницам то, что я тебе скажу. На нас могут напасть, скорее всего, в том месте, где лес будет близко подходить к дороге. Луки у лесовиков слабые, доспех могут не пробить, поэтому надо беречь лицо, стрелять они умеют, да и расстояние будет небольшим. Я смотрю вперед. Кто на вторых санях?

– Петька.

– Он пусть смотрит влево. Кто на третьих?

– Матвей.

– Он пусть смотрит вправо. Кто на четвертых?

– Четвертый – скомороший воз. Там Кузьма.

– Он пусть смотрит опять влево. Кто на пятых?

– Митька.

– Он пусть смотрит вправо. На последних санях Демка, смени его... кто там остался?

– Артюха.

– Вот пусть Артюха правит, а Демка пускай залезает с самострелом на поклажу и смотрит назад. Сигнал опасности – свист. Если опасность справа – один раз. Если слева – два. Как только слышите свист, останавливаетесь и прячетесь за поклажей. В возу у нас мать и Меркуха. Сядешь к ним третьим так, чтобы удобно было размахнуться кистенем. Как только какая-нибудь рожа под полог сунется, сразу бей! Все понятно?

– Все, только Корней Агеич уже это говорил, кроме кистеня.

– В таком деле повтор лишним не бывает. Ступай.

«Дед говорил, что долго в напряжении находиться нельзя, а как тут не напрягаться, если лес все время рядом? Снегу там, конечно, по пояс, быстро не выскочат, но места для стрельбы можно оборудовать заранее. Где-то я читал, что бесшумных засад не бывает. Хрен там! Лесовики это умеют делать с детства. Если их зверь заметить не может, то уж человеку-то! Можно вроде бы еще как-то по поведению птиц засаду обнаружить. То ли сороки трещат, то ли, наоборот, все птицы умолкают. А что тут у нас? Кто-то чирикал вроде бы только что... Ну и? Что это может означать?»

Да, сэр, не доиграли вы в детстве в индейцев. Какие вопиющие пробелы в образовании! А где было играть? На асфальте, что ли? Да и вестерны у нас начали показывать, когда у же из нужного возраста вышел. Хотя нет, был же фильм «Сыновья Большой медведицы». Впрочем, какой это вестерн? Снят в ГДР, индейца играл югославский культурист... как его, Гойко Митич, что ли? Это все равно что американское предложение снять Ермака с Арнольдом Шварценеггером в главной роли. Такая же чешуя...

Господи, о чем я думаю? Двенадцатый век, блин, а я вспоминаю несуществующую ГДР и несуществующую Югославию. Нервы, сэр, нервы. Слава богу, справа лес отодвинулся, все полегче».

Шагах в десяти впереди и слева, у стоящего возле самой дороги дерева, вдруг как из-под земли вырос мужик. Взмахнул топором – и дерево начало креститься, падая поперек дороги. Оно еще не успело упасть, а Мишка уже нажал на спуск, болт ударил мужика в грудь, а самому Мишке словно кто-то двинул молотком с правой стороны по ребрам.

«Стрела... не пробила...»

Вторая стрела щелкнула по шлему так, что мотнулась голова. Не испытывая дальше судьбу, Мишка вывалился из саней и, скрючившись за поклажей, нажал ногой на рычаг самострела, отмечая краем сознания свист стрел и раздавшиеся один за другим два мальчишеских вскрика.

«Господи, кто?..»

– Мишка, сзади! – ударил по нервам Петькин крик.

В нескольких шагах, слева от санного поезда, перли сквозь глубокий снег трое мужиков в бронях и с мечами. Мишка наложил болт и не целясь – всего-то шагов пять – всадил болт в переднего. Снова, понимая, что уже не успевает, упер самострел в снег. Второй мужик выбрался на дорогу и кинулся к Мишке, широко замахиваясь мечом для удара. Шлем у него был без бармицы, и разворот тела открыл голую шею. Туда-то и метнул Мишка кинжал. Тать успел среагировать, отклонился в сторону и получил прямо в голову брошенный Петькой топор. Удар хоть и получился не смертельным, но отвлек, а может, и слегка оглушил мужика, и второй Мишкин кинжал все-таки нашел цель. Петька подлетел к оседающему на снег лесовику и принялся рвать у него из руки меч. Третий из нападавших сунулся к скоморошьему фургону, откинул полог и отшатнулся, хватаясь руками за лицо. Из фургона вылетел Роська, взмахнул кистенем, и лесовик рухнул пластом. Тут же Роське в спину ударила стрела, он выгнулся от боли дугой, но наконечник завяз в кольцах брони и дальше не пошел.

Болт лег на направляющие, и Мишка осторожно выглянул из-за поклажи, вернее, попытался выглянуть – в шлем снова ударила стрела, да так, что Мишка еле устоял на ногах.

– Петька, не высывайся, гляди за лесом!

Мишка плюхнулся на живот и осторожно выглянул из-за саней. На опушке леса стоял лучник, внимательно глядя на санный поезд, и размеренно, словно механизм, посылал в сторону саней одну стрелу за другой.

«Ну, снайпер хренов, а про то, что стрелять лежа можно, ты и не знаешь».

Самострел щелкнул, посылая в полет болт, и лучник скрючился, схватившись за живот. Мишка снова взвел оружие и уже смелее глянул вверх поклажи. Справа, сильно хромя, пятился от убитой лошади Немой. На него наседали сразу двое пеших, и Андрей отмахивался

от них то мечом, то кистенем, примотанным к левой, искаленной руке. Откуда-то из санного поезда вылетел болт и ударил в бедро одного из противников Немого. Лесовик вскрикнул и упал на четвереньки.

Мишка перевел взгляд влево – дед крутился на коне, умудряясь противостоять сразу трем конникам. Копья у него уже не было, в щите засели сразу четыре стрелы, а еще одна торчала из передней луки седла – деда явно расстреливали, как мишень в тире, но бывалый профессионал не утка на болоте – и сам уберется, и коня уберет. Вот и сейчас дед тоже переигрывал противников, видать, кавалеристами они были неважными. Как-то так получалось, что против деда каждый раз оказывался только один всадник, загораживавший при этом деда от двух других. И фехтовальщиком Корней Агеич был отменным: кто бы из троих ни очутился в пределах досягаемости его оружия, тут же оказывался в положении защищающегося, правда, добить противника дед не успевал, приходилось снова бросать коня в сторону.

Наконец, у одного из троих лопнуло терпение, и он, остановив коня, потянул из саадака⁴ лук. В него-то Мишка и выпустил очередной болт. Так и не вытащив до конца лук, всадник кувырнулся с коня. Мишка снова согнулся над самострелом.

«Почему никто из близнецов не стреляет? Неужели оба... нет, один выстрел был уже после того, как я снайпера успокоил. Чего ж тогда?..»

Мишка снова поднял взведенный самострел над санями. Второй противник деда, застряв ногой в стремени, волочился по снегу, а с третьим сотник Корней сошелся вплотную. Кони, встав голова к хвосту, кружили на месте, а всадники рубили друг другу щиты в щепки. Впрочем, длилось это недолго, третий дедов противник, взмахнув руками, откинулся на круп коня. Мишка глянул в сторону Немого, и как раз в этот момент Андрей, отведав своим мечом клинок противника в сторону, ударил того поверх щита локтем в лицо. Мишка аж вздрогнул: при медвежьей силе Немого такой удар запросто мог вмять нос чуть ли до самого затылка, а локоть-то еще и в кольчуге. Уложив последнего из нападавших, Андрей сам пошатнулся и тяжело осел в снег.

Мишка закрутил головой, но стрелять было уже не в кого, все закончилось.

«Немой ранен, дед вроде бы цел, Петька тоже цел. Что с остальными? Роська лежит, но шевелится, больше никого не видно. Блин, командовать же надо».

– Стар... – голос предательски сорвался, Мишка прокашлялся. – Старшие пятерок, доложить о потерях!

– Роська... Вон лежит... Вроде живой...

Петр стоял над мертвым мужиком бледный, даже чуть зеленоватый, держась обеими руками за рукоять слишком большого для него меча.

– Ты ратник или девка?! – подражая командному тону деда, рявкнул Мишка. – Быстро проверить и доложить. Да брось ты эту железку, бегом!!!

Петька затрусил вдоль саней, а Мишка обвел глазами и самострелом поле боя, проверяя, не шевелится ли кто-нибудь из нападавших. Окровавленный снег, трупы, кони без всадников... Недалеко от саней на снегу валяются копыя, видимо, на копейный удар лесовики к себе не подпустили. Немой, сидя на снегу, что-то делал со своей правой ногой, дед сгорбился в седле, свесив руки, было видно, что он здорово измотан.

«Блин, три руки и три ноги на двоих, а народу накрошили! Раз, два, три, четыре... Потом посчитаем, что там с ребятами? А со мной-то что? Едрит твою... похоже, обмочился! Как же это я? Хорошо, что никто не заметил. А! Не до того сейчас! Что там Петька тянет?»

---

⁴ Автору прекрасно известно, что слова «колчан», «саадак», даже слово «лошадь» и еще очень многие другие, пришли в русский язык из Степи и прижились несколько позже описываемых событий, но главный герой-то – человек XX века, для него эти слова русские.

– Петька! Уснул? Не слышу доклада!
– Иду! – Петька действительно шел, но с совершенно убитым видом, новости, похоже, были совершенно безрадостными.

– Ну?

– Кузька ранен... в ногу, Роська ранен в спину, Меркурий...

– Ну? Да не молчи ты!

– Меркурий убит... – Петька всхлипнул. – Демка тоже...

«Господи, за что! Демка... Как же теперь тете Тане сказать?»

– Все?

– Митрий ранен в голову, Артемий в грудь, как Роська. Минь, пойдём, Кузьку со стрелы снять надо.

– Как это снять? – не понял Мишка.

– Ну пришилило его, пойдём...

Кузьку действительно пришилило. Стрела, прошив бедро, вонзилась в доску, на которой он сидел.

– Кузя, ты как?

– Демку... Минь, Демку убили...

«Да, близнецы особенно тяжело переносят смерть братьев, бедняга, даже про свою рану не вспоминает».

– Петр, знаешь, где кузнечный инструмент лежит? Тащи какие-нибудь клещи – стрелу перекусить.

Мишка похлопал по поясу, но третьего кинжала не было. Совсем забыл: еще в Турове Петьке подарил. Вытащил у Кузьки и разрезал на нем одежду. Крови было немного, стрела прошла с внешней стороны бедра и не глубоко, крупные сосуды, видимо, задеты не были.

– Минь, у тебя кровь, – подал голос Кузьма.

– Где?

– Вон, на щеке. Не на этой, слева.

Мишка только сейчас почувствовал жжение на виске, влагу на щеке и на шее. Просунув руку под бармицу, чуть не вскрикнул от боли: пальцы нащупали щепку, вспоровшую кожу на виске и над ухом. Видимо, последняя стрела, попавшая в шлем, расщепилась от удара, и острый обломок дерева как-то пролез под бармицу. Проведя пальцами по краю шлема, Мишка нащупал на железе зазубрину.

«На пару сантиметров ниже – и... А я в горячке и не заметил. Наверно, от удара на какой-то момент потерял сознание, вот в штанах и мокро. Да, сэр, повезло... А Демке...»

– Эти подойдут? – Петька протягивал небольшие клещи с острыми...

«Как это место у клещей называется? Неважно, главное, стрелу перекусить можно».

– Кузя, потерпи немножко, сейчас мы...

– Ох!

– Сейчас, еще чуть-чуть... Ну вот! Все уже.

– Ребята, что тут у вас? – Мишка услышал голос матери и ощутил стыд, про нее-то он и забыл в горячке, даже у Петьки не спросил.

– Мама! С тобой все в порядке?

– Со мной-то да, а вот вы все... Меркуша умер...

– А Демка?

– Живой, только ранен тяжело, я стрелу достать не смогу, лекарка нужна. Боюсь, не доведу.

– Так! – Мишка огляделся по сторонам. – Какие сани разгрузить быстрее всего? Эти? Петька, на нож, режь веревки. Быстро! Поклажу выкидывай, Матвей, иди сюда, помогай!

Дружными усилиями, чуть не опрокинув сани, ребята вывалили поклажу на снег. Мишка еще раз огляделся, надо было решить, кого посылать в Ратное за помощью. Дееспособных было четверо: сам Мишка, мать, Петр и Матвей. Мать уже хлопотала, перевязывая Кузькину рану, отправлять ее было нельзя – пусть занимается ранеными. Петр и Матвей в Ратном никогда не были... Пожалуй, лучше подойдет Петька, он постарше и посообразительней.

– Старший стрелок Петр! – Мишка постарался изобразить уверенность, которой на самом деле не чувствовал. – Эта дорога приведет прямо к селу, если гнать галопом, где-нибудь за час-полтора доедешь, лошадь не жaley, только раньше времени не загони. В село не заезжай. Справа в низине домик лекарки, с дороги его из-за деревьев не видно, но подъедешь ближе, разглядишь. Лошадь у нее есть, обратно поскачете на свежей. Все понял?

– А что сказать-то?

– А что, сам не сообразишь?

– Она же меня не знает. Вдруг не поверит?

«А ну-ка, успокойся! Петька прав: его Настена не знает. Надо придумать что-то, что несомненно укажет ей на меня. Какой-то предмет? Нет, не годится, любой предмет можно взять и у покойника. Нужны слова, вроде пароля».

– Тогда... скажешь так: «Серебряное зеркало, шестое колено лекарок». Запомнил?

– Серебряное зеркало, шестое колено лекарок. А что это?

– Неважно, она поймет и поверит. Все, гони!

Петька хлестнул лошадь вожжами, потом еще раз, сани тронулись, быстро набирая скорость.

– Мишаня, у тебя кровь, – мать уже закончила перевязывать Кузьму и обратила свое внимание на сына.

– Заноза, мама, помоги вытащить, а то самому не видно, – Мишка откинул бармицу, расстегнул подбородочный ремень и снял шлем. Мать оттянула пропитавшийся кровью подшлемник и схватилась пальцами за щепку.

– Ой! – Мишка ойкнул не столько от боли, сколько от неожиданности.

– Все, все уже, Мишаня, дай-ка перевяжу, а то кровь сильно течет. Шапка-то у тебя где? Надень, а то застудишься.

– Мама! Да что ты со мной возишься? Остальные-то как?

– Демьян – хуже всех, – принялась перечислять мать, – Артемию тоже крепко досталось, Васе чуть легче...

– Какому Васе? А! Роське!

– Мите только лоб рассекло, вскользь прошло, – мать закончила перевязывать Мишкину голову и опустила руки.

– А как Меркушу-то, мама?

– Прямо через стенку, в спину, как будто видели...

С той стороны, где находились дед с Немым, вдруг раздался истошный вопль, потом еще – человек просто заходился криком от боли. Мишка, обернувшись на крик, увидел, что Немой склонился над одним из нападавших и делал с ним что-то такое, отчего тот жутко дергался и орал. Рядом, спокойно наблюдая за происходящим, высился в седле дед.

«Кажется, это называется «получить момент истины». Война и есть война, что ТАМ, что ЗДЕСЬ».

– Михайла! – раздался голос деда. – Поди сюда!

«Ну да, только этого мне сейчас и не хватает – на допросе присутствовать. И так обос..., а сейчас еще и облююсь. И не ходить нельзя, блин...»

– Иду! Мама, вы посматривайте здесь, вдруг еще чего-то...

Пленный затих, видимо, потерял сознание. Стараясь не смотреть в его сторону, Мишка подошел к деду.

– Андрюха, снегом ему морду потри, да посильнее, только шею не сверни, – «проконсультировал» дед Немого и повернулся к Мишке. – Михайла, что там у вас?

– С той стороны еще четверо вылезли, все убиты. У нас один убитый – Меркурий. Пятеро раненых, двое – тяжело: Демьян и Артемий. Кузька – в ногу, неопасно, но ходить не может. Роська тоже, наверно, какое-то время полежит, но для жизни неопасно. Матвей цел. Петра я за Настеной послал, мать сказала, что Демьяна можем не довести.

– А сам? – дед кивком указал на Мишкину перевязанную голову.

– Царапина, – Мишка поймал себя на том, что произнес это слово точь-в-точь, как герои советских фильмов о Великой Отечественной войне.

Дед покивал каким-то своим мыслям и задал новый вопрос:

– Чего Петруха на санях-то? Верхом быстрее.

– Как он верхом ездит, я не знаю, а в пустых санях почти так же быстро.

– Ладно, вон того видишь? – дед указал на одного из лежащих лесовиков. – Стащи с него бронь и свяжи. Если начнет дергаться, добавь ему, но не убивай.

Лежащий навзничь лесовик был уже немолод, голова и борода были больше чем наполовину седыми. Кажется, это был как раз тот, последний из трех всадников, с которым дед схватился грудь в грудь. Шлема на голове у него не было, а вся левая половина лица превратилась в один сплошной синяк, видимо, дед приложил его мечом плашмя. С трудом ворочая тяжелое тело, Мишка принялся стягивать с него кольчугу.

Дело шло туго, а тут еще очнулся и снова завопил пленный. Мишка не сдержался и кинул взгляд в его сторону. Немой, ухватившись за хвостовик болта, торчащий из бедра лесовика, тихонько покачивал его в ране. Почувствовав приступ тошноты, Мишка поспешно отвернулся и принялся с остервенением сдирать кольчугу со своего «клиента». Потом поискал, чем связать, ничего не нашел и стянул ему руки, локоть к локтю, его же поясом.

Молодой мужик, которого пытал Немой, начал наконец говорить. Из его сбивчивого, прерываемого стонами и всхлипами, рассказа выяснилась весьма неприглядная история. Оказывается, отправка двух сотен княжьей дружины на погром языческого капища и расположенного недалеко от него городища не осталась незамеченной. Весть о карательной экспедиции разнослась по лесам гораздо быстрее, чем двигалась княжья дружина. Древлянские и дреговические роды, рассчитывая, что с двумя сотнями общими усилиями удастся совладать, решили послать помощь. Из Куньего городища тоже вышли двадцать шесть мужиков, владеющих ратным искусством.

Несмотря на то, что княжья дружина, неся потери в засадах и ловушках, двигалась через лес медленно, к основным событиям отряд из Куньего городища опоздал. На месте капища и соседнего поселения они обнаружили только трупы и головешки. Командир отряда не пожелал возвращаться домой, повел своих людей по следу уходящего войска, и на какой-то лесной поляне они настигли отставший от основной группы обоз с ранеными дружинниками, охраняемый всего десятком ратников. Всех: десяток охраны и три с лишним десятка раненых и два десятка обозников – истребили поголовно, потеряв при этом восемь своих убитыми и пятерых ранеными.

Пеший отряд превратился в конный, в избытке снарядившись трофейным оружием и доспехами. Можно было уже возвращаться домой, но командир решил, что даже в половинном составе они еще могут пощипать княжьих людей, и снова погнал лесовиков по следу. Дружину они не догнали, но встретили земляка, который шел из Княжьего погоста и рассказал, что видел там демона, много лет назад укравшего из городища дочку командира отряда.

После этого известия Славомир – командир лесовиков – словно взбесился. Не остановило его даже то, что трое из пятерых раненых были очень плохи и могли умереть. Двое, в конце концов, и умерли, но преследования дедова каравана это не остановило. Сегодня они сошлись...

– Так, значит... раненых резали, паскуды... Андрюха, кончай его!

Немой вырвал из бедра лесовика болт и с размаху всадил его мужику в глаз. Крик оборвался. Михайла торопливо зачерпнул горсть снега и засунул себе в рот. Не помогло, на какое-то время он, сотрясаемый приступами рвоты, перестал воспринимать окружающее.

– Ну что, внучок, думаешь, настоящую войну увидел? – услышал Мишка над собой голос деда. – Эк тебя скрутило! Нет, это еще не война, внучок, так – стычка. На настоящей войне мальчикам с игрушками делать нечего!

«Напалма ты не видел, старый хрен, и ковровых бомбардировок. Я, правда, тоже – только по телевизору, но зато на себе попробовал, как это бывает, когда израильский истребитель с кормы на твой пароход заходит, а в трюмах пять тысяч тонн артиллерийских снарядов лежат. Игрушки, говоришь?»

– Вы с Андреем семерых уложили, мы тоже – семерых. Кузька один раз выстрелил, вот как раз в этого, а Демьян вообще ни разу. Вот тебе и игрушки.

– Это ты – в одиночку шестерых?

– Одного – Роська кистенем, еще одного – Петька помог, остальных я!

– Кхе! Самострелы... надо же... ладно, Андрюха, давай этого!

Немой, сильно хромя, перебрался к связанному Мишкой мужику и принялся растирать ему лицо снегом. Мужик замычал, задергал связанными руками, открыл глаза.

– Здравствуй, сватьяшка Славомир, давненько не встречались, – с людоедской ласковостью пропел дед. – Годков десять, а то и поболее.

– Корзень, чтоб ты сдох! – отозвался связанный мужик.

«Сколько же у деда имен? Корней, Кирилл, теперь еще Корзень. Не удивлюсь, если и еще есть...»

– Ну сдохнешь-то как раз ты, сватьяшка, но не сразу. За паскудство твое ответить придется.

– Не пугай, христианин, светлые боги...

– Вот перед ними-то и ответишь, и по древним славянским обычаям, – не дал Славомиру договорить дед.

– Что ты, христов выб..., про наши обычаи...

– Знаю! – снова перебил Корней. – И за пролитие крови ближних родичей спрошу, как надлежит! Ты, гнида болотная, дядьев с племянниками стравил. Вон три твоих сына убитые лежат, а там два твоих внука раненые кровью исходят. Помнишь, что по нашим древним обычаям за такое положено? Нет тебе прощения от светлых богов славянских!

– Врешь, Корзень! – мужика аж трясло от ненависти и бессилия. – Не могла Татьяна родить, волхв ее чрево затворил!

– Однако родила! Крест животворящий сильнее волхвования оказался! – дед по-волчьи ощерился, шрам на его лице сделался багровым. – А теперь получи по обычаю, изверг, родную кровь проливший!

Три коротких взмаха меча – и Славомир лишился ушей и носа. Мишку снова скрутило, но желудок был пуст, и он только часто задышал, пытаясь унять бунтующий организм.

– Не узнают тебя теперь пращурь, и нет у тебя ни лица, ни имени! – торжественно возгласил дед. – Андрюха, режь ему подколенные жилы!

Немой чиркнул по ногам Славомира засапожником.

– Не перейдешь ты теперь через Калинов мост! – продолжил речитативом Корней, словно произносил какое-то языческое заклятие.

– Корзень, будь ты прокл...

Кончик дедова меча, лязгнув об зубы, вошел Славомиру в рот, слова превратились в стон и бульканье.

– Не извергнешь более хулу и проклятие! Нет у тебя отныне ни голоса, ни облика, ни имени, ни пути! Михайла, тащи ЭТО конем в лес, там ему руки освободишь, пускай ползет!

Мишка, даже не пытаясь поймать какого-нибудь оставшегося без всадника коня, выпрыг из саней Рыжуху, привязал Славомира к упряжи за ноги и повел лошадь под уздцы к ближайшим деревьям. Проходя мимо, совершенно равнодушно глянул на убитого им лучника – на эмоции не осталось уже никаких сил. Так же равнодушно, зайдя за первые деревья, освободил ноги мычащего мужика от привязи, перерезал стягивающий ему локти ремень и побрел назад по кровавому следу.

«Двенадцатый век... Права человека, гуманное обращение с пленными, высший приоритет человеческой жизни... Все уместается в одном месте – ножнах, висящих на поясе победителя. И какая-то высшая справедливость в этом есть, Славомир ведь пощады не просил, понимал, на что шел.

Да полноте вам, сэръ Майкл, так ли вы рассуждали бы в случае победы лесовиков? Сомнительно, ох сомнительно. И Славомир тоже хорош: какой командир обречет на смерть раненых подчиненных ради удовлетворения личной мести? Дерьмо он был, а не командир! Люди ему доверились, а он...»

– Михайла, Михайла! Да очнись ты! Андрюха, кажись, перебрали мы, не в себе парень.

Мишка вдруг обнаружил, что стоит столбом напротив деда с Немым, держа Рыжуху под уздцы, и совершенно не помнит, как он пришел сюда из леса.

– Слышу я, деда, не бойся, не свихнусь. Андрюю ногу перевязать надо, я мать позову.

– Не надо, перевязали уже. Теперь Настену надо ждать, у Андрюхи в ноге кончик жала обломился, плохо отковали, болотники косорукие. Настена вытащит, сами только расковыряем без толку. Ты это... Про Славомира – никому ни слова. Незачем Татьяне знать, что я отца ее... Понял?

– Понял, никому не скажу, – пообещал Мишка.

– А если спросят: «За что казнили?», – не успокаивался дед, – скажешь, что за раненых дружинников.

– Угу, за злодейство.

– Верно, – дед вытянул шею и оглядел обоз. – Там, у саней, кто-нибудь шевелиться способен?

– Матвей цел, – начал было Мишка, но понял, что больше уцелевших нет, и неуверенно добавил: – У Митьки лоб рассечен, но, может быть, ничего. Посмотреть надо.

– Иди, дашь им самострелы и тащи сюда, я пока коней поймаю, – дед озабоченно оглянулся на лес. – Надо обоз ихний брать, там еще трое остались.

– Не смогут они из самострелов, деда... – попытался возразить Мишка.

– Делай, что говорю! Давай шевелись!

Мишка побрел к саням. Мать с помощью Матвея подсаживала в фургон державшегося за грудь Артемия. Крови видно не было, похоже, что так же, как и у Роськи, стрела завязла в кольцах доспеха, но поддоспешников у ребят не было, и удары стрел ничего не смягчило.

– Мама, как там Митя, верхом ехать сможет?

– Да ты что? Он и стоять-то не может, шатается как пьяный. Я его положу с Артюшей и Демой.

– Как они?

– Дема плох, Настену бы дожидаться... – голос у матери прервался.

Мишка только вздохнул, здесь он помочь ничем не мог.

– Мама, я Матвея забираю, в лесу еще трое татей остались, надо добить. Матвей! Бери Демкин самострел – и давай со мной!

Из-за саней вылез скрюченный Роська:

– Минь, я тоже с тобой!

– Нет, ты верхом не сможешь, – Мишка всем своим видом продемонстрировал, что не намерен выслушивать возражения. – Тебе другое дело: посадишь Кузьму так, чтобы он мог самострелом воз с ранеными прикрыть. Сам будешь рядом – заряжать. Понял?

– Я и сам могу из самострела, мне ребята давали попробовать.

– У Кузьмы лучше выйдет, он, даже к доске пришпиленный, и то одного татя завалил, – Мишка повысил голос. – Делай, что говорю!

– Слушаюсь, господин старшина!

– Вот, другой разговор. Матвей, готов? Тогда пошли.

Дед недовольно оглядел подошедших отроков:

– Михайла, ты чего только одного привел, где второй?

– Лежит, больно крепко по лбу досталось. Я, когда в шлем попало, еле на ногах устоял, а ему в лоб, повезло, что живой.

– Ладно тогда, – дед с сомнением поглядел на Матвея. – Матюха, верхом-то сумеешь?

– Могу вообще-то, но не очень... – Матвей с опаской покосился на коней.

– Научись, – отрубил дед. – По коням!

Всего минут через пять неспешной рыси след привел к поляне, на которой сгрудились десятка полтора запряженных саней и конский табунок голов в двадцать. Сани были завалены оружием, доспехами, одеждой, седельными сумками и прочим имуществом раненых дружинников и их охраны. На одних санях лежали два трупа – видимо, те самые раненые, которые умерли в пути. А на соседних – еще один покойник, похоже, скончавшийся совсем недавно. Еще двоих лесовиков не было, но от поляны в глубь леса уходил свежий санный след.

– Смылись, будем догонять! Галопом! Вперед! – скомандовал дед.

Снегу в лесу было лошадям почти по брюхо, и они шли тяжелыми короткими прыжками. Мишкин конь оказался сильным и совсем свежим, да и всадник был не тяжел, поэтому Мишка, сам того не ожидая, возглавил погоню. Следом гнал своего коня дед, а Матвей сразу же стал отставать, наездником он оказался и правда скверным. Гнать так гнать! Мишка, уворачиваясь от нависающих ветвей, пригнулся к конской шее и все подгонял и подгонял жеребца, временами срезая петляющий между кустов и деревьев санный след.

Наконец впереди показались сани с беглецами. Один, стоя в санях во весь рост, нещадно нахлестывал лошадь левой рукой, вместо правого запястья у него была замотанная тряпками культя. Второй лесовик, с перевязанной головой, лежал неподвижно. Мишка приблизился почти вплотную и выстрелил в спину возницы, тот выгнулся и упал назад, прямо на лежащего односельчанина.

Еще несколько скачков – и конь поравнялся с санями. Мишка уже начал прикидывать: спрыгнуть ему в сани, попытаться схватить лошадь под уздцы или просто дождаться, пока никем не понукаемая скотина остановится сама, как вдруг второй лесовик поднялся во весь рост и взмахнул кистенем. Удар пришелся коню между глаз, ноги у жеребца подогнулись, Мишка вылетел из седла и головой вперед ухнул в снег, не долетев, слава богу, всего с полметра до ствола здоровенной сосны.

Глубокий снежный покров смягчил падение, Мишка, протерев глаза, только и успел заметить, как мелькнул между деревьями круп дедова коня. Оглянулся назад, Матвея не было, пошарил в снегу, нашел самострел. Матвей так и не появился. Пришлось идти назад. Коня Мишка нашел за вторым поворотом. Зацепившись поводьями за кусты, он понуро стоял, опустив голову, седло было пусто.

«Так, куда едем? Искать Матвея? Снег глубокий, сильно расшибиться он не мог, след четкий, выберется назад пешком. Едем за дедом».

Дед и сани с лесовиками обнаружили довольно быстро. Мишка после всего увиденного сегодня думал, что его уже не проймешь ничем, но то, что открылось его глазам... Никем не управляемая лошадь умудрилась завязнуть вместе с санями в кустах и теперь дергалась,

пытаясь убежать от того, что творилось позади нее. В санях лежали даже не изуродованные трупы, а какое-то кровавое месиво, а дед, выкрикивая рыдающим голосом что-то неразборчивое, продолжал истерично полосовать мечом то, что несколько минут назад было человеческими телами. Снег, кусты, круп лошади и сам дед были густо заляпаны красным, во все стороны летели кровавые ошметки и куски дерева от саней, а дед все рубил и рубил.

«Да, сэр, солдатская истерика – это вам не битье тарелок на кухне, близко лучше не подходить».

– Деда! Деда!!! С ума сошел, старый. Сотник Корней!!! Блин, да угомонись ты! Корзень!!! Мать твою!!!

– А? Мих... Михайла... Внучок...

Дед уронил за спину занесенный для очередного удара меч и осел в пропитанный кровью снег.

– А я думал... Мишень... ка...

Мишка отвернулся, смотреть на дедовы слезы почему-то показалось страшнее, чем на то, что дед натворил с лесовиками.

* * *

Матвея нашли на полдороге к поляне с разбойничьим обозом. Парнишка, пошатываясь, брел, зажимая одной рукой распоротую чуть ли не до самого уха щеку, другой рукой держа волочащийся по снегу самострел.

– На ветку напоролся. Но смотри, Михайла, молодец: оружия не бросил, – одобрительно произнес дед. – Правильно мы все-таки ребят к себе взяли. Подсади его в седло, сам не залезет.

– Деда, сани и лошадей на поляне оставим или к дороге сведем?

– Лошадей надо к дороге, до темноты не уедем, наверно. Не дай бог, волки заявятся, на кровь-то. Ты вот что: выкини покойников и на их санях дровишек подвези – костер запалить надо, – дед длинно вздохнул и ссутулился в седле. – А мы с Мотей поедем, устал я что-то.

«Ничего удивительного. Почти любой дедов ровесник из двадцатого века загнул бы и от половины его сегодняшних приключений. Странно, что у меня-то крыша не поехала... Но как он Славомира... И где здесь логика? С одной стороны, заявляет, что крест животворящий сильнее волхвования, а с другой – казнит за пролитие родственной крови, по языческим обычаям. Вот и думай... Хотя сказано же: «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Славомир с нами по языческим обычаям разобраться желал, в соответствии с ними же и получил.

Удивительно другое: как мы сегодня вообще выжили? Да, луки у лесовиков слабоваты, да, в конном бою против профессионалов у них шансов не было, но все же... Если бы третий мужик, вылезший из леса с нашей стороны, не сунулся бы в фургон, а попер бы на нас с Петькой – быть нам покойниками. А если бы и под дедом так же, как под Немым, убили коня, он на одной ноге не отбил бы. Немого завалили бы следующим, а больше воевать и не с кем. Кузьку уже припилили, а Демьян без сознания лежал. Все решили два обстоятельства: глупость того мужика и дедово воинское искусство. Ну еще, конечно, то, что Славомировы люди мальчишек за бойцов не посчитали. Да и кому бы в голову пришло, что три сопляка четверых матерых бойцов ухайдакают, а потом и еще троих? Нет, не только в везении дело! Моя Младшая стража, когда всех вооружим и обучим, будет по-настоящему опасна именно своей непредсказуемостью. А до осени выучим. Ребята замечательные. Кузька, уже пробитый стрелой, умудрился точный выстрел сделать, Петька выручил меня в самый пиковый момент, Роська как будто родился с кистенем, между прочим, уже второго бандюгу у меня на глазах кончил. У Мотьки тоже характер чувствуется: на полном скаку башкой об сук, а оружия не бросил.

Демке не повезло... Надо было ожидать: если одному из близнецов постоянно не везет по мелочам, то второму рано или поздно не повезет по полной программе – баланс вероятностей в таких парах обычно соблюдается неукоснительно. Только бы выжил... Петька, наверно, добрался уже, значит, скоро Настена придет».

Глава 2

Конец марта 1125 года. Стан на дороге в Ратное

Дел оказалось невпроворот: развести костер, рассадить около него раненых, способных хотя бы сидеть, накормить людей, задать корму лошадям, в том числе и приведенным из леса, поставить сани на всякий случай в круг... Мишка даже не представлял себе, как много всего нужно сделать и как со всем этим управиться в одиночку. Сначала он хотел приспособить к приготовлению пищи Кузьму, но тот и сидеть-то мог только на одной половине задницы. Роська из-за боли в спине тоже не мог наклониться над котлом, и кашеварить пришлось Немому.

Неожиданно помогать Мишке взялся Матвей. Даже из-под повязки было видно: вся левая сторона лица у него опухла так, что закрылся глаз, но двигался парень уверенно и Мишкины распоряжения выполнял толково. Наконец, каша упрела, и Мишка задумался, будить ли деда, который, завернувшись в тулуп, задремал, сидя в первых санях, как вдруг раздался голос Роськи:

– Кто-то едет!

По дороге со стороны Ратного летели наметом два всадника. Когда кони приблизились, стало видно, что всадник только один, а второго коня он ведет в поводу. На Настену это было совсем не похоже, и Мишка попятился к костру, около которого он оставил свой самострел. Всадник, видимо, тоже проявил осторожность и, остановив коня примерно на расстоянии одного перестрела, начал разглядывать открывшуюся перед ним картину. Посмотреть, конечно, было на что: кровь, трупы, укрывшиеся за поставленными в круг санями люди... Мишка заметил, что около ног коня крутится, то и дело поднимая голову и приносясь, собака.

«Ничего не учует – ветер в нашу сторону... Блин, да это же Чиф!»

– Чиф! Чиф! Ко мне!

Конечно, видят собаки плоховато, чутью может помешать ветер, но уж голос хозяина пес узнает из тысячи голосов. Как Чиф рванул с места! Можно было подумать, что это не он только что пробежал за скачущими во весь опор конями полтора десятка верст! Мишка был мгновенно сбит с ног и облизан чуть ли не с головы до пят.

– Чиф, псина ты моя, соскучился, хороший мой, даже и не обижаешься, что оставили тебя привязанного... Ну хватит, я тебя тоже люблю, перестань... Да дай ты на ноги подняться!

Мимо протопали по снегу копыта коней, Мишка обернулся и увидел дядьку Лавра и сидящую у него за спиной Юльку.

«Надо же! Второй раз Лавр водителем «скорой помощи» работает и опять Юльку вместо Настены привез. Да что ж он вытворяет-то? Ну, дает! У всех на глазах... ох, дед ему и устроит!»

Увидев мать, вышедшую из фургона с тяжелоранеными, Лавр соскочил с коня и стиснул ее в объятиях.

– Аннушка, свет мой... живая!

– Отпусти, дурень, люди же кругом!

– Живая, а я уж думал...

– Да отпусти ж ты! Совсем очумел!

«Отпусти-отпусти, а сама не вырывается. Кхе, как говорит лорд Корней. А вот и он, легок на помине. Ну, что-то будет!»

– Лавруха! Ополоумел? Анька, а ты чего тут... Кхе! Пошла к раненым! И ты тоже! Сын еле дышит, а у тебя одно на уме! Совсем сдурели, мне тут только ваших... этих самых... не хватает!

Дед явно сам растерялся от бурного проявления страстей и не знал, как себя вести. В конце концов, разозлившись не столько от недопустимого поведения сына и невестки, сколько от собственной растерянности, схватил Лавра за ухо и оттащил от «предмета обожания».

– Иди, там он, Анька, покажи... Тьфу! Тут беда, а им все... Михайла, а ты чего вылупился? Хватит на снегу сидеть! Ну что за народ, только б целоваться, у этого бабы нет, так он с собакой! Помог бы лучше лекарке с коня слезть, столько верст охлюпкой проскакала, весь зад отбила, бедная!

Юлька действительно сидела, вцепившись в заднюю луку седла, бледная, с закушенной губой.

«Конечно, таким аллюром, без седла и стремян, тут и мужика здорового умотало бы. Руки, наверно, трясутся, как она лечить-то будет?»

– Юля, давай слезть помогу. Давай руки, осторожненько. Чиф, не мешай!

– Ой!

На ногах Юлька не удержалась и обвисла на Мишке всей тяжестью.

– И эти обниматься, да что ж это такое-то! – снова завозмутился дед. – Совсем с ума посходили!

– Деда, она стоять не может!

– Сидеть – тоже! – уверенно заявил Корней. – Подержи ее пока так, сейчас я тулуп постелю, пусть приляжет, все равно с нее прямо сейчас толку не будет.

Мишка помог Юльке улечься на живот, потоптался рядом и не нашел ничего лучше, чем спросить:

– Есть хочешь? У нас каша как раз поспела.

«Что вы несете, сэр, какая каша? Похоже, лорд Корней прав – все свихнулись!»

– Что у тебя с головой? – поинтересовалась Юлька.

– Царапина, стрелой зацепило слегка.

– А я думала – мозги вышибло. Какая мне сейчас каша?

Юлька оставалась Юлькой даже в таком плачевном состоянии.

– Тогда хочешь, меду принесу или вина? У нас есть.

– А чего праздновать-то будем? – Юлька приподнялась на локтях и огляделась. – Что у вас тут случилось?

– А что, Петька не рассказал? – холодея от ужаса, спросил Мишка. – Он что, не доехал?

– Это тот парень, что ли? Да он вообще ничего толком сказать не мог.

– Почему?!!

– Потому что грохнулся где-то. Нашли кого послать, с санями управиться не может!

– Что значит «грохнулся»?

– А то и значит! Его лошадь в село приволокла: сани поломаны, голова разбита, правая рука сломана. Мать роды принимала, так бабы меня позвали. Сказали: «Бредит». А я как услышала про зеркало...

Юлька неожиданно всхлипнула.

– Дура-а-ак... я думала, его уже и в живых... а он – кашу...

– А кто ж тогда Петьке про зеркальце сказал, если меня уже... того? – Мишка почувствовал, как его отпускает страх за судьбу Петра.

– Дура-а-ак! Мы думали, вас всех... он один спасся...

– Ага, я – дурак, а вы – умные – вдвоем, без оружия, что б вы тут делали, если нас и в самом деле...

– Чурбан бесчувственный, не понимаешь ты ничего!

Мишка вдруг понял, что впервые в жизни видит Юльку по-настоящему плачущей. Дочка лекарки и плач казались ему до сих пор вещами несовместными, как гений и злодейство, по Пушкину. И, несмотря на то, что запас эмоций на сегодня, казалось, был исчерпан полностью, Мишка вдруг почувствовал некоторую стесненность в горле.

– Кхе! – из-за саней вырулил дед, держа в руке глиняную кружку. – На-ка, девонька, выпей, быстрее в себя придешь. У нас раненых полно, а тут еще и лекарку лечить приходится. Пей, пей: и согреешься, и успокоишься.

– Деда, они не знали ничего! – поспешил сообщить Мишка. – Петька по дороге разбился, лошадь его без памяти...

– Да слышал я, слышал. Когда мать-то твоя, девонька, подъедет?

– Не скоро еще, Корней Агеич. Там роды тяжелые, пока закончит... Но тетка Татьяна сани готовит и Анька-младшая тоже. А дядька Лука свой десяток поднимает, я слышала, как он говорил, чтобы все в бронях...

– Татьяна, говоришь, сюда едет? – дед обернулся к фургону с ранеными и заорал: – Лавруха, а ну, быстро ко мне! Лавруха!

Не дозвавшись сына, дед шустро поковылял к фургону сам.

«Испугался, что Татьяна братьев опознает, велит Лавру трупы прибрать».

– Минь, чего это он? – Юлька с любопытством уставилась вслед деду.

– Не знаю, ты пей, пей.

– Ну да, а то я не вижу! – фыркнула Юлька. – Не знает он! – от недавних слез уже и след простыл.

– А с кем тут Татьянин муж только что обнимался? – проворчал Мишка. – Но я же дурак, не понимаю ничего! Вот и не знаю.

– Вкусно! – Юлька мгновенно сменила тему разговора. – Чего это он мне тут намешал?

– Дай-ка попробую. Угу, вино, мед, и теплой водой все разбавлено. Сейчас согреешься и руки дрожать перестанут.

– А ты откуда знаешь? – подозрительно прищурилась юная лекарка. – Ты что, вино уже пил?

– А ты как думала? Мы в Турове так загуляли!

– Ой, врать-то!

«А ну-ка, милейший, кончайте треп! Раненым ждать некогда».

– Слушай, Юль, у нас раненых много. Только я и дед на ногах, ну, и мать еще. Ты скажи, что тебе нужно будет, мы приготовим пока.

– Воды нагрейте побольше, чистые тряпки для перевязок понадобятся, – Юлька мгновенно сделалась серьезной. – А какие раны-то?

– Самый тяжелый – Демка, – Мишка присел рядом с лекаркой, чтобы той не приходилось задирать голову. – Ему стрела почти под мышку слева попала. Не то кольчуга в этом месте послабее была, не то выстрел такой уж убойный оказался, но пробило, и наконечник между ребер прошел. Он, наверно, от боли руку прижал и обломил древко, мать наконечник вытащить не смогла. И еще один с железом в теле есть – Андрей. Но у него в ноге.

– Резать придется, а у меня инструмента с собой нет, – озаботилась Юлька.

– А какой нужен? У нас кузнечный инструмент есть...

– И что же ты ковать собрался?

«Вот язва, прости господи! Но лучше уж пусть язвит, чем плачет».

– Да для тонких работ инструмент! Щипчики там разные, пилки, сверлышки...

– Показывай, – распорядилась Юлька.

Мишка хотел пойти за инструментом, но на глаза попался Матвей.

– Мотя! Принеси-ка инструмент! Помнишь, когда Кузьку со стрелы снимали, там Петька клещи брал?

Юлька снова приподнялась на локтях и завертела головой.

– Мотя? И еще тот – в санях. Что за парни?

– Мы из Турова пятерых ребят с собой везли, только одного убили... – Мишка с усилием сглотнул комок в горле. – А остальные все ранены.

– Что, и Кузька?

– Я же сказал: все, кроме меня...

– Помню, помню. Ты-то тоже покорябанный. Ох, как его...

Матвея действительно сейчас даже родная мать не узнала бы – так опухло у него лицо.

– Ну-ка сядь сюда, я посмотрю! – распорядилась Юлька.

Работоспособность возвращалась к юной лекарке прямо на глазах. Подействовал дедов коктейль, или сработала генетически заложенная профессиональная одержимость, но уверенность в голосе и в движениях к ней вернулись. Матвей с сомнением глянул на Юльку, потом вопросительно – на Мишку.

– Давай-давай, Мотя. Она хорошая лекарка, полгода назад меня чуть не с того света вытащила. Юля, посмотри сначала инструмент, пока ты Матвея пользуешь, я его прокипячу.

– Ага, – Юлька оглядела разложенное перед ней железо. – Вот это, это и еще вот эти штуки.

Пока Мишка набивал котелок снегом, пристраивал его над костром и объяснял Немому, для чего надо варить железки, Юлька уже почти управилась с первым пациентом. Стоя на коленях, она заново перевязывала Мотье лицо.

Мишка стоял рядом, смотрел, как Юлька перевязывает Матвея, что-то воркует своим «лекарским голосом», и чувствовал, как откуда-то изнутри поднимается чувство нежности. Вроде бы девчонка как девчонка, тоненькая, даже хрупкая, обманчиво слабые на вид тонкие пальцы и запястья. Слабые, пока не почувствуешь на себе их тренированную лекарскую хватку. Чуть вздернутый носик, узкое лицо – ничего общего с круглолицей и толстоносой Настеной.

Голова замотана серым шерстяным платком, из-под которого выглядывает перехватывающая лоб девичья повязка с вышитым красным узором. Шубейка, сшитая Мишкиной матерью из тех самых волчьих шкур, подшитые кожей войлочные сапожки, сильно напоминающие обувь XX века с романтическим названием «Прощай, молодость», разве что без застежки «молния». Одежка удобная, добротная, но неброская, по ратнинским понятиям даже бедноватая, хотя лекарка Настена была отнюдь не бедна.

Единственное, что отличало Юльку от остальных ровесниц (за исключением лекарской одержимости, естественно), – масть. Ратнинцы, как, впрочем, и дреговичи, с которыми за сто лет густо замесила свои гены ратнинская сотня, в подавляющем большинстве были блондинами различных оттенков: от белобрысой «солемы» до роскошной светло-русой «волны». Попадались и рыжие, но мало. А Юлька была шатенкой. Это-то и ставило в тупик сельских кумушек, безуспешно пытавшихся вычислить папашу юной лекарки.

Толстая темная коса, резко выделяющаяся на фоне рубахи из беленного на солнце полотна, как магнитом притягивала взгляды сплетниц, порождая самые невероятные версии и предположения. Мишка несколько раз слышал разговоры о том, что Юлька прячет в своей косе отравленную (по другой версии – заговоренную) иглу, а тетка Варвара, не за страх, а за совесть исполнявшая в селе обязанности «желтой прессы», вполне серьезно утверждала, что лично наблюдала процесс превращения этой косы в ядовитую змею.

И это Юлька-то, без раздумий готовая жизнь положить на алтарь медицины! Правда, характер – как у тещи из анекдотов, а язык – незачем и косу в змею оборачивать.

«И все же, все же, все же... Эх, силушки еще не накачал, а то бы нес ее на руках, как дядька Лавр тогда нес через двор мать...»

Романтическое настроение Мишке поломал Чиф, видимо, решивший принять участие в оказании медицинской помощи. Ткнувшись мокрым носом в Юлькины руки и попытавшись

облизать ту часть лица Матвея, которая еще виднелась из-под повязки, пес напугал своими жуткими клыками Мотьку, получил тычок локтем от Юльки и, очень довольный, закрутился возле Мишкиных ног.

– Вот, смотри, – Юлька показала Мишке пропитавшуюся кровью занозу, – почти до самого уха вошла.

– Да, если бы осталась, плохо дело было бы. Благодарю лекарку, Матвей! Юль, тебе помочь подняться? Давай-ка.

Мотька, мгновенно проникшийся к юной лекарке уважением, подхватил Юльку с другой стороны, и парни наполовину повели, наполовину понесли Юльку к фургону. Оказавшись внутри, Юлька сразу же начала отдавать распоряжения таким властным тоном, что позавидовал бы и сотник Корней:

– Полог – откинуть, этих – вынести, Демьяна – к свету. Минька! Воз разверни, чтобы солнце сюда светило!

– Во дает! – восхитился Мотька. – А со мной ласково так говорила, я даже боли почти не чувствовал...

– Она умеет. Тащи-ка ее сумку сюда, на тулупе осталась.

Пока возились, выполняя Юлькины указания, вода в котелке закипела.

– Минька! Долго еще железо варить? – заорал от костра Кузька.

– Пока мягким не станет! Ты его помешивай, помешивай да посолить не забудь!

«Блин, с чего я веселюсь-то? Неужели Юлькин приезд так подействовал? Хотя, конечно, появилась лекарка, нашлось на кого переложить ответственность за раненых. А то ведь все время грызло беспокойство. Любят же люди, когда с них кто-то заботу снимает и берет на себя. А Юлька на себя брать умеет, не отнимешь...»

– Чего, и правда солить?

– Я вам посолю! – Юлька слышала все, что происходит вокруг, или вычленяла из окружающих шумов касающиеся ее темы. – Мотя, неси котелок сюда, только воду слей. Потом еще воды вскипяти, как можно больше.

Мотька с энтузиазмом взялся за подсобные медицинские работы: пристраивал над костром всю имеющуюся в наличии посуду, запаривал в котелке какие-то травы, мотался за чем-то к саням. Дело пошло. Мишка с облегчением вздохнул и только сейчас почувствовал, как устал.

– Деда, а ты мне такого же, как Юльке, не намешаешь? Что-то я умотался.

– Тебе это нельзя, оно – для сугреву и успокоения, сразу в сон потянет. Иди лучше на мое место, так отдохни.

«Лука свой десяток поднял... вот действительно преданный деду человек. Этот в дедову дружину уйдет и людей своих за собой утянет. А лучники у него там собраны отменные...»

Мишка сам не заметил, как задремал...

– Минь, а Минь! Минь, проснись, тебя лекарка зовет.

– А? Ты чего, Мотька?

– Юля зовет, плохо там...

Мишка, прихрамывая на затекшую ногу, кинулся к фургону:

– Что, Юль?

– Не могу! – в голосе Юльки было нескрываемое отчаяние. – Не получается, хотела, как тебя у Нинеи, и не смогла. Минька! Отходит он!

– Так! – Мишка попытался придать голосу как можно больше уверенности. – Первым делом успокойся. Потом попробуй еще раз.

– Да я уже три раза...

– Не ныть! Сделай глубокий вдох!

– Миня...

– Глубокий вдох, я сказал!!! Так, еще один. Еще. Теперь посмотри на солнце, сколько до темноты осталось?

– Да зачем...

– Делай, что говорю!!! Сколько?

– Часа два или... не знаю...

– С какой стороны ветер?

– Оттуда. Да зачем это все?

– Чтобы отвлеклась. Теперь начинай все снова. Вспоминай, как Ниня учила. Не напрягайся, растекись, как вода, впитайся в него, почувствуй биение жизни.

– ...Нет, Миня, он не такой, как ты. Не выходит, не чувствую его...

«Не такой, как я? Да, Ниня что-то такое говорила, мол, почувствует разницу, когда другими займется. Вот и почувствовала... Что же придумать? Со мной-то она смогла. Может, через меня? Надо попытаться, других вариантов все равно нет».

– Хорошо, попробуй через меня. Помнишь, Ниня рассказывала: женщина силу собирает, мужчина направляет.

– Я же не умею так...

– Некогда разговаривать, бери меня за руку! Да не так, пульс ищи!

– Чего?

– Жилку, где сердце бьется, вот я у тебя уже нашупал. Нашла? У тебя бьется быстрее, замедляй, а я попробую ускорить, чтобы одинаково бились. Теперь сливайся со мной, как тогда...

«Есть! Что-то такое чувствую. Да, ощущаю ее эмоции... Блин, некогда разбираться, главное, что она, кажется, мне поверила».

– Юля, вокруг море силы, она во всем: в воздухе, в свете, в людях, в деревьях. Ощути ее. Слышишь?

«Не надо говорить, я и так понимаю. Да, сила есть, попробую зачерпнуть».

«Ты... ты что, мои мысли читаешь?»

«Нечего читать, это и мои мысли тоже, мы – одно. Не мешай».

Мишка вдруг почувствовал необыкновенный прилив сил, ясность мысли, что-то еще, чему нет пока названия в человеческом языке. Казалось, он способен совершить что угодно: взлететь в воздух, свернуть горы, растопить снега... Но ничего этого делать было не нужно, потому что рядом – умирающий Демка, всю эту неизмеримо огромную энергию надо было отдать ему.

«Получается, Юленька, какая же ты умница! Веди меня к Демке, мы сможем, вот увидишь!»

«Вот. Чувствуешь?»

Боль вонзилась в левую сторону груди, навалилось удушье, начало «уплывать» сознание.

«Это же не я, это я его ощущаю... Господи, как тяжело...»

«Мы вместе, мы справимся. Отдавай силу, Мишаня, туда, где хуже всего, только осторожно, понемногу».

«Нет, не так. Организм сам знает, что надо делать, ему только не хватает энергии, а у нас она есть, много, очень много. Нет, и это неправильно. Мы сейчас – единое целое, триединный организм, накачанный энергией. Мы справимся, только не надо мешать, я чувствую: не надо ничего делать, не надо ни о чем думать. Надо... надо уснуть, все должно происходить само. Да! Ниня говорила, что сон – лучшее лекарство. Мы засыпаем, мы ни о чем не думаем, мы ничего не ощущаем, мы...»

Бац! Удар по лицу... еще один...

– Да очнись же ты, пень! Минька!!!

– Спать, надо спать...

- Не надо! Все уже! У нас получилось!
- Что? Ой, Юлька, ты чего?
- Получилось! Демка жить будет!
- Да? А чего тогда дерешься? Ну вот, то бьет, то целует. Все же хорошо?
- Все хорошо, только ты не просыпался никак, – Юлька выглядела на все сто – глаза блестят, румянец во всю щеку, Мишка же лежал на дне фургона пластом, сил хватало только на то, чтобы разговаривать.
- Так сон-то какой приятный: сначала ты меня по морде била, а потом...
- Могу еще!
- Поцеловать? Давай, пока дед не видит!
- По морде могу еще! – Юлька воинственно сжала кулачки. – Хочешь?
- Ну, если тебе больше нечего мне предложить, согласен. Все-таки знак внимания со стороны прекрасной дамы. Хоть такой.
- Выметайся! У меня еще дел полно.
- Ну до чего же с тобой трудно: то бьешь, то целуешь, то зовешь, то гонишь... – Мишка попытался подняться. – Ой, Юленька, что-то меня ноги не держат.
- Хватит придуриваться, ноги его не... Минька, да ты чего?
- Пардон, мадемуазель, кажется, отъезжаю...

* * *

Все повторялось. Мишка снова лежал с закрытыми глазами, медленно выплывая из забвения, а рядом тихо звучали женские голоса, и один из них был Юлькиным. Все как тогда – у Нинеи.

– Я не поняла, мама, он какие-то слова говорил, то есть думал... не по-нашему. Я не запомнила.

– Ничего, помнишь, я тебе про заклинания объясняла? – второй голос принадлежал лекарке Настене. – Если не понимаешь смысла, то заучивать бесполезно.

– Да, помню. Только я думала, что он силу в больное место направит, а он вдруг решил, что надо спать. Я пробовала перебороть, но он сильнее оказался. Ну... и уснули все. Сколько спали, не знаю, а как проснулась, то сразу к Демке. Смотрю, он дышит ровно, сердце бьется хорошо, и синюшность на лице пропала.

– Значит, Миня правильно решил.

– Да, только он не просыпался никак, я его еле растолкала. Он поговорил со мной немножко, потом опять что-то непонятное сказал и снова уснул. Странно как-то, мама. Я, как приехали, сама с лошади слезть не могла, ноги не держали, болело все. А после этого как новенькая стала, хоть пляши. А он спит и спит.

– Все правильно, доченька, – Мишка по голосу почувствовал, что Настена улыбается. – Бывают такие дела, которые женщину только бодрят, а мужики после них, как медведи осенью, норовят спать завалиться.

– Какие дела?

– Вырастешь – узнаешь.

– Мама!

– Не кричи на мать! Словами этого не объяснить, надо самой попробовать.

– Чего попробовать? А-а, ты про это самое... так мы с Минькой только за руки держались!

– А были одним целым. Ближе не бывает. Вы с ним теперь...

– Кхе! – не узнать голос деда было невозможно, даже с закрытыми глазами. – Настена! Ты парня-то моего перед отъездом посмотрела? Как он?

«Блин! На самом интересном месте! Принесло же старого».

– Правая рука сломана ниже локтя, но срастется, я думаю, быстро. А остальное не страшно, полежит несколько дней, и все.

– Ну слава богу, – дед облегченно вздохнул. – А Андрей?

– А вот ему – лежать! – голос Настены построжел. – Ногу не бередить, повязку два раза в день менять. Я приходить буду, смотреть. И костыли ему сделайте. Дурной он у тебя, дядька Корней, это ж надо додуматься – самому ножом железку из ноги выковыривать! Пусть Бога благодарит, если хромым не останется, а то и одноногим. Ты ему построже накажи: на костыли не раньше, чем дней через десять, и то, если все хорошо обернется. В общем, посмотрим, я каждый день навещать буду.

– Ага, вот, значит, как. Понятно. Ты, Настена, дочку похвали, всех моих отроков попользовала, Демку так и вообще с того света достала. Изрядная лекарка растет! А это тебе, девонька, от меня, держи.

– Ой, Корней Агеич, не надо... – похоже, Юлька получала гонорар впервые в жизни. – Спасибо, я бы и так...

– Кхе! Бери, бери, заслужила! Знала б ты, какой камень у меня с души сняла! Чуть не десяток битых мальцов посреди леса, и ехать нельзя. Да! Михайла тебе в Турове какой-то подарок припас, забыл, наверно, сразу отдать – не до того было.

– А какой подарок?

– А вот и не знаю! – дед откровенно поддразнивал Юльку. – Сам поднесет, тогда увидишь! А это вот тебе, Настена Микулична, за изрядное воспитание дочки. Мне бы так ратников кто воспитывал – моя сотня тысячи стоила бы!

«Ларец растряс, старьей. Ну и правильно! Для такого дела не жалко».

– Благодарствую, Корней Агеич! А за Демьяна внука благодари, это он придумал, как правильно лечить надо. Непрост у тебя внучок-то, дядька Корней. А?

– И не говори, Настена, я иногда и не знаю даже... вот, опять! – игривость в голосе деда сменилась недоумением. – Ну, кто его лекарскому делу учил? Слушай, а долго он еще дрыхнуть будет?

– Пусть поспит, ему сегодня тоже досталось.

– Да уж! Видела б ты, как его выворачивало... но шестерых татей упокоил! Одного так и вообще ножом. Лисовинова кровь! Кхе! Ну ладно, пойду я. Подарки-то не только от меня, все отроки тебе, девонька, кланяются. Ты теперь у Младшей стражи вроде как святая заступница. Все за тебя горой! Кхе! Что-то заболтался я с вами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.